

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

ИРИНА САВИЦКАЯ

Вкус ТВОЕГО ГРЕХА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Она — невинность. Он — искушение.

18+

18+

Ирина Савицкая

Вкус твоего греха

«Автор»

2026

Савицкая И.

Вкус твоего греха / И. Савицкая — «Автор», 2026

Он вошёл в мою жизнь стремительно, обжигая, отравляя как яд. Старший брат моего жениха. Опасный, властный. Тот, от кого бегут, но к кому тянет с невыносимой силой. Я должна была ненавидеть его. Должна была остаться верной нежному, заботливому Артёму, тому, кто подарит мне будущее. Но одна встреча, один взгляд и я уже тонула в омуте его тёмных глаз, глотала его, как таблетку, зная, что это убьёт нас обоих. Мы не успели стать друг для друга первыми. Но мы стали одним целым вопреки греху, крови и смерти, что стояли между нами. Эта история о запретной страсти, которая разрушает, и о любви, которая воскрешает. От автора: КНИГА БЕСПЛАТНАЯ! Но подписка на Автора - обязательна! Звезды и комментарии тоже приветствуются!

© Савицкая И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Сладкий яд	9
Глава 2. Таблетка	15
Глава 3. Запретный плод семьи Волковых	24
Глава 4. Порочный круг	31
Глава 5. Пепел	38
Глава 6. Возвращение в ад	42
Глава 7. Цена свободы	45
Глава 8. Ловушка	51
Глава 9. Игра втёмную	56
Глава 10. Новая песня	62
Глава 11. Новая жизнь	66
Эпилог.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ирина Савицкая

Вкус твоего греха

ПРОЛОГ

Я бежала по ночному городу, чувствуя, как адреналин пульсирует в висках, а лёгкие горят от нехватки кислорода. Каблуки туфель стучали по мокрому асфальту, как выстрелы, и каждый шаг отдавался болью в боку. Позади слышались тяжёлые шаги преследователей, их хриплое дыхание и ругань. Я знала, что, если они меня догонят, то мне сто процентов конец. Не просто избьют или ограбят, а точно убьют. Медленно и с наслаждением, потому что я видела то, чего, по их мнению, видеть не должна была.

Чёрный внедорожник вынырнул из переулка, ослепив фарами. Я замерла, как кролик перед удавом, не в силах пошевелиться. Из машины вышли двое мужчин в тёмных костюмах. Их лица были безразличны, как у роботов. Я развернулась, чтобы бежать обратно, но путь был отрезан — те, кто гнался за мной, уже стояли за спиной. Кольцо сжималось.

— Попалась, сучка, — прохрипел один из них, и я почувствовала резкий запах дешёвого алкоголя. — Теперь ответишь за своё любопытство.

Меня схватили за волосы, рванули назад. Я вскрикнула от боли, но никто не пришёл на помощь. Ночь равнодушно смотрела на моё отчаяние.

В этот момент я подумала о нём. О том, кого поклялась забыть навсегда. О мужчине, который стал моим проклятием и моим спасением. Максим Волков. Его имя вспыхнуло в мозгу, как сигнальная ракета. Если бы он был здесь... Но он далеко. И он не придёт. Он сам вычеркнул меня из своей жизни.

— Отпустите, — прошептала я, хотя понимала, что это бесполезно. — Я ничего не скажу.

— Конечно, не скажешь, — усмехнулся главарь, поигрывая ножом. — Потому что мы тебе языкотрежем.

Страх сковал всё тело. Я закрыла глаза, готовясь к боли, но в этот момент раздался звук, от которого кровь застыла в жилах. Рёв двигателя. Мощный, агрессивный, как зверь, почуявший добычу.

Я открыла глаза и увидела, как в толпу моих мучителей влетает чёрный «Гелендваген». Он сбил двоих, как кегли. Остальные бросились враспынную, но из машины уже выскочил мужчина. Высокий, широкоплечий, в чёрной рубашке, облегающей мощный торс. Его лицо было искажено яростью, которую я слишком хорошо знала.

Максим.

За его спиной тут же выросли две тени — начальник службы безопасности Игорь по кличке Седой и еще один боец.

— Босс, периметр не зачищен! — рявкнул Седой, пытаясь встать между Максимом и разбегающимися бандитами.

В свете фонаря блеснула рукоятка пистолета в кобуре под курткой.

— Там могут быть стволы. Отойди, мы сами закончим. Ты засвечиваешься!

Максим даже не повернул головы. Его глаза, холодные и абсолютно трезвые, скользнули по лицу Русланы, проверяя, цела ли она. Затем он перевел взгляд на главаря с ножом.

— Это мой приказ, — голос Волкова прозвучал тихо, почти ласково, но от этого тона у охранников всегда стыла кровь в жилах. — Личный. Не лезь. Если хоть один волос упадет с её головы, я скормлю тебя собакам живьем. Закрой рот и обеспечь коридор до машины.

Седой осекся. Спорить дальше означало подписать себе приговор прямо здесь, на мокром асфальте. Он отступил на шаг назад, доставая рацию, чтобы вызвать подкрепление и заблоки-

ровать выезды со двора. Максим удовлетворенно кивнул и сделал шаг вперед, сокращая расстояние до человека с ножом.

Он двигался, как хищник. Каждый удар — точный, смертоносный. Он не давал своим врагам ни единого шанса. Я смотрела, как он расправляется с ними, и не могла отвести взгляд. Это было жестоко, но в этой жестокости была его суть. Он всегда был таким — опасным, диким, неукротимым.

Когда последний из нападавших рухнул на землю, Максим повернулся ко мне. Его глаза — холодная сталь, но где-то в глубине мелькнуло что-то тёплое. Он шагнул ко мне, и я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Руслана, — его голос был низким, хриплым. — Ты жива?

Я не могла ответить. Только кивнула, чувствуя, как слёзы текут по щекам. Он подошёл ближе, и я увидела кровь на его руках. Кровь моих врагов. Но мне было всё равно. Главное — он здесь. Он спас меня.

— Зачем ты пришёл? — прошептала я, когда он обнял меня, прижимая к себе.

— Потому что ты позвала, — ответил он, и я почувствовала его горячее дыхание на своей шее. — Ты всегда зовёшь меня, даже когда молчишь.

Я вдохнула его запах — смесь кожи, табака и чего-то опасного, что всегда кружило мне голову. Воспоминания нахлынули, как цунами. Его руки на моём теле, его губы на моих губах, его шёпот в темноте. Всё то, что я пыталась забыть три долгих года.

— Я не должна была звонить, — прошептала я, уткнувшись в его грудь. — Я поклялась...

— К чёрту клятвы, — перебил он, сжимая меня сильнее. — Ты в опасности. И я не позволю никому тебя тронуть.

Он отстранился, заглянул мне в глаза. В его взгляде была решимость, которая пугала и возбуждала одновременно.

— Мы уезжаем. Сейчас.

— Куда?

— Подальше отсюда. Я знаю одно место. Там ты будешь в безопасности.

Телефон Максима вибрировал в кармане. Он бросил короткий взгляд на экран и нахмурился.

— Что случилось? — прошептала я.

Он ответил не сразу, сосредоточенно ведя машину одной рукой, другой сжимая мой телефон.

— Следовательно, — наконец процедил он сквозь зубы. — Шаров. Говорит, у него есть вопросы ко мне по делу об убийстве свидетеля. Какого-то мелкого дилера, который якобы видел передачу наркотиков. Свидетелем был тот человек... на парковке.

Максим резко выругался.

— Ты же знаешь, кто это сделал, — продолжил он, глядя прямо перед собой. — Гордеев. Тот самый клан, с которым мы воюем за территории. Они подставили меня через этого дилера. Теперь хотят использовать его смерть против нас.

Я почувствовала, как кровь стынет в жилах. Если полиция узнает, что я была там той ночью...

— Не волнуйся, — перебил мои мысли Максим. Его голос звучал жестко, но успокаивающе. — Пока дело ведёт Шаров, оно будет топтаться на месте. Но если он притащит тебя на допрос... нам конец. Поэтому ты должна исчезнуть. И никому не звонить без моего разрешения.

Я хотела возразить, но не было сил. Моё тело дрожало, и я позволила ему увести меня к машине. Он усадил меня на пассажирское сиденье, пристегнул ремень, как ребёнка. Когда он сел за руль, я бросила на него взгляд. Его профиль был напряжён, челюсть сжата. Он был

зол. Не на меня — на тех, кто посмел ко мне прикоснуться. И, возможно, на самого себя за то, что позволил мне уйти тогда.

Мы ехали в тишине. Я смотрела в окно, но видела не ночные улицы, а картинки из прошлого. Как я впервые встретила его в клубе «Пепел». Как его взгляд пронзил меня насквозь, и я поняла, что пропала. Как мы тайно встречались, сгорая в огне запретной страсти. Как всё рухнуло в один момент, когда его брат узнал правду.

Артём. Его имя отозвалось болью в груди. Я не хотела вспоминать, но память была безжалостна. Я видела его лицо — искажённое предательством, слышала его крик. А потом — телефонный звонок, который изменил всё.

— Мы не должны были этого делать, — прошептала я, не глядя на Максима.

Он молчал. Только руки сжали руль так, что побелели костяшки.

— Мы убили его, — продолжила я, и голос дрогнул. — Если бы не наша связь, он был бы жив.

— Не смей, — резко оборвал он. — Не смей винить себя. И меня.

— Но это правда.

— Это была случайность. Трагическая случайность. Артём сам выбрал сесть за руль в таком состоянии.

— Из-за нас.

— Да, из-за нас! — он ударил ладонью по рулю. — Но мы не хотели его смерти. Мы просто... любили.

Я вздрогнула от этого слова. Любили. Он сказал это в прошедшем времени. Или нет?

— Ты всё ещё любишь меня? — спросила я тихо.

Он резко затормозил. Машина остановилась на обочине. Максим повернулся ко мне, и его глаза горели в темноте, как угли.

— А ты как думаешь, Руслана? — его голос был низким, опасным. — Думаешь, я бы сорвался среди ночи и примчался спасать тебя, если бы не любил? Думаешь, я бы три года жил как в аду, мечтая о тебе каждую проклятую ночь, если бы не любил? Думаешь, я бы позволил тебе уйти, если бы не любил?

Я смотрела в его глаза и тонула. В них была вся моя боль, вся моя страсть, всё моё безумие.

— Тогда почему ты отпустил меня?

— Потому что я дурак. Потому что я думал, что так будет лучше. Для тебя. Для нас. Я надеялся, что ты сможешь жить нормальной жизнью, без меня, без всего этого дерьма.

— Но я не смогла, — прошептала я. — Я не смогла жить без тебя.

Он резко притянул меня к себе и впился в мои губы. Это был не поцелуй — это была атака. Грубая, властная, отчаянная. Его руки сжали мои плечи, потом скользнули ниже, по спине, прижимая меня всё ближе. Я ответила с той же яростью, с той же жаждой, которая копилась годами.

Его язык проник в мой рот, и я застонала, чувствуя, как низ живота скручивает огнём. Воспоминания о его теле, о его власти надо мной, нахлынули с новой силой. Я запустила пальцы в его жёсткие волосы, притягивая его ближе, желая раствориться в нём.

Он оторвался от меня, тяжело дыша. Его лоб прижался к моему.

— Мы ещё поговорим, — прошептал он. — Но сейчас нам нужно уехать. Обещаю, ты будешь в безопасности.

Я кивнула, не в силах говорить. Сердце колотилось где-то в горле.

Он снова завёл машину, и мы рванули в ночь. Я смотрела на него, на его сильные руки, на его решительное лицо, и понимала: я вернулась в ад. Но в этом аду был он. И, возможно, это был единственный ад, в котором я хотела гореть.

В моей памяти всплыли слова из песни, которую мы когда-то слушали вместе:

«Он не успел стать моим первым, Я не смогла стать его последней»

Но теперь я знала: наша история ещё не дописана. И у неё будет другой финал. Даже если для этого придётся пройти через огонь.

Я закрыла глаза и провалилась в темноту — от усталости, от пережитого шока, от его запаха, который окутывал меня, как саван.

Когда я очнулась, мы уже были далеко за городом. Максим вёл машину, не отрывая взгляда от дороги. Его рука лежала на моём бедре, и это прикосновение было единственным, что удерживало меня от падения в бездну.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь мы будем вместе, — ответил он. — И больше я тебя не отпущу.

Его слова были как клятва. И я поверила.

Но я ещё не знала, что прошлое не отпускает так просто. Что враги, от которых мы бежали, не остановятся. И что самый страшный враг — тот, кто прячется внутри нас самих.

Впрочем, это уже другая история. История, которая началась три года назад, когда я впервые вошла в клуб «Пепел» и увидела его глаза. Глаза, в которых горел огонь, способный испепелить всё на своём пути.

И я знала, что этот огонь сожжёт и нас.

Но я была готова.

Потому что любовь к нему была единственным, ради чего стоило жить.

И ради чего стоило умереть.

Глава 1. Сладкий яд

Три года назад. Руслана

Я никогда не верила в судьбу. Всю свою сознательную жизнь я полагалась только на себя — на свои ноги, которые несли меня подальше от той дыры, где я родилась, на свои руки, которые умели работать до кровавых мозолей, и на свой язык, который мог постоять за меня в любой перепалке. Родители-алкоголики, вечная нехватка денег, серые стены обшарпанной квартиры на окраине — всё это осталось в прошлом, как только я сбежала в большой город. Мне было двадцать два, и у меня была цель: выжить любой ценой. Выжить и не стать такой, как мать.

Я устроилась официанткой в дорогой ресторан в центре. Ночные смены, усталость до дрожи в коленях, чаевые, которые я копила на съёмную комнату. Но я знала: это только начало. Внешность у меня была — спасибо генам бабушки: густые тёмные волосы, высокие скулы, глаза, которые мужчины называли «гипнотическими». Я научилась пользоваться этим оружием. Улыбка, взгляд, лёгкое прикосновение — и чаевые становились щедрее, а управляющий закрывал глаза на мои маленькие вольности. Но я никогда не переступала черту. Я не продавалась. Я лишь создавала иллюзию доступности, оставаясь холодной внутри.

Артём Волков появился в моей жизни неожиданно. Он сидел за столиком у окна, один, и заказал бутылку самого дорогого шампанского. Я подошла, чтобы обслужить, и он посмотрел на меня с восторгом и благоговением, как смотрят на произведение искусства. Он был красив, но какой-то мягкой, юношеской красотой: светлые волосы, голубые глаза, открытая улыбка. Сразу было видно, что он не из нашего мира. Слишком чистый, слишком наивный.

— Как вас зовут? — спросил он, когда я наполняла его бокал.

— Руслана.

— Красивое имя. Очень редкое.

— Спасибо. Что-нибудь ещё?

— Да. Присядьте на минутку. Поговорите со мной.

— Я на работе.

— А если я попрошу управляющего? — он улыбнулся, и я поняла, что он не шутит. — Я просто хочу узнать вас лучше.

Я колебалась. Но что-то в его взгляде было такое... невинное. Он не хотел меня купить. Он действительно был очарован. И, честно говоря, после семи часов на ногах мне было приятно немного расслабиться. Я присела на краешек стула напротив.

Так началось наше знакомство. Артём оказался сыном криминального авторитета, но сам он был далёк от этого мира. Он управлял «легальным» бизнесом семьи сетью ночных клубов. Его отец, о котором ходили жуткие слухи, держал в страхе полгорода, но Артём старался не вникать в детали. Он был младшим братом, «золотым мальчиком», которого оберегали от грязи. Он жил в розовых очках, верил в любовь и мечтал о семье.

Через две недели ухаживаний с цветами, дорогими подарками, прогулками на яхте он предложил мне стать его девушкой. Я согласилась. Не потому, что любила, просто мне нужна была защита. Артём был моим шансом вырваться из нищеты, получить стабильность, и, возможно, со временем я смогла бы его полюбить. Он был добрым, заботливым, щедрым и смотрел на меня, как на богиню, а я чувствовала себя в безопасности.

Но я не знала, что в его семье есть ещё один мужчина, который перевернёт мою жизнь.

Всё случилось в клубе «Пепел». Артём пригласил меня туда, чтобы познакомить со своим миром. Я надела чёрное платье-футляр, которое подчёркивало каждый изгиб, и туфли на шпильках. Артём встречал меня у входа, сияя от гордости. Он держал меня за руку, как ребёнка, который ведёт маму в магазин игрушек.

— Тебе понравится, — шептал он, пока мы проходили через VIP-вход, минуя очередь. — Это моё любимое место. И сегодня я хочу, чтобы ты познакомилась с моим братом.

— С братом? — удивилась я. — Ты не говорил, что он будет здесь.

— Он редко появляется. Но сегодня обещал заехать. Он... немного сложный человек. Не обращай внимания, если он будет холоден.

Я кивнула, хотя внутри что-то ёкнуло. Брат Артёма. Я слышала о нём. Максим Волков. Старший сын, наследник империи, человек, которого боялись даже те, кто носил оружие. В городе о нём ходили легенды: жестокий, беспощадный, не знающий пощады. Он управлял теневыми делами семьи, пока Артём играл в легальный бизнес. Я представляла его как пожилого угрюмого бандита с золотыми зубами. Как же я ошибалась.

Клуб «Пепел» был шикарен: тёмные стены, отделанные чёрным мрамором, хрустальные люстры, тяжёлый бархат, приглушённый свет, который делал лица загадочными. Музыка била в грудь, но не оглушала — она была как пульс, проникающий под кожу. Мы прошли к бару, где Артём заказал мне маргариту.

— С солью? — спросил бармен.

— Да, — кивнула я.

Артём заказал себе что-то безалкогольное, т.к. он редко пил. Я смотрела, как он улыбается, и пыталась заставить себя почувствовать хоть что-то. Нежность? Да. Благодарность? Безусловно. Но страсти не было. Я гнала эти мысли прочь.

— А вот и Макс! — вдруг воскликнул Артём, и его лицо осветилось.

Я повернула голову и замерла.

Он шёл через зал, и толпа расступалась перед ним, как вода перед носом корабля. Высокий, широкоплечий, в чёрной рубашке с закатанными рукавами, которая обтягивала его мощные предплечья. Тёмные волосы были зачёсаны назад, но несколько прядей падали на лоб. Лицо жёсткое, словно высеченное из камня: острые скулы, квадратная челюсть, нос с лёгкой горбинкой, который делал его ещё более опасным. Но глаза... Его глаза были тёмными, почти чёрными, и они смотрели на меня так, будто раздевали до души. Я почувствовала, как воздух застрял в лёгких.

Максим Волков.

Он подошёл к нам, и я ощутила исходящую от него дикую, первобытную, пугающую энергию. Он был похож на хищника, который только что вышел на охоту.

— Артём, — он кивнул брату, не отрывая взгляда от меня.

— Макс, это Руслана. Моя девушка.

Его губы дрогнули в едва заметной усмешке. Он протянул мне руку.

— Максим.

Я вложила свою ладонь в его. Его сильные, горячие, шершавые пальцы сомкнулись вокруг моих. Он не пожал, а как будто удержал на секунду дольше, чем позволяли приличия. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на губах, потом снова поднялся к глазам.

— Очень приятно, — мой голос прозвучал хрипло, и я мысленно выругала себя.

— Взаимно.

Артём, ничего не замечая, начал что-то рассказывать о клубе, о новых проектах. Максим слушал его, но я чувствовала, что всё его внимание сосредоточено на мне. Он стоял слишком близко. Я ощущала запах его парфюма — кожа, табак, что-то мускусное. Моё сердце колотилось, как сумасшедшее.

— Что будешь пить? — спросил Артём брата.

— Мохито с мятой, — ответил он, не глядя на бармена.

Я невольно улыбнулась. Такой мужчина, как он, и мохито? Это было неожиданно.

— Что-то смешное? — он поймал мою улыбку.

— Нет. Просто не ожидала, что вы предпочитаете лёгкие коктейли.

— А что, по-вашему, я должен пить? — в его голосе был вызов.

— Виски. Чистый. Со льдом.

— Может, вы правы. Но иногда хочется чего-то... освежающего.

Он сделал глоток, не сводя с меня глаз. Я почувствовала, как жар разливается по телу. Артём всё ещё говорил, но я не слышала ни слова. Мир сузился до этого мужчины, который смотрел на меня так, будто я его добыча.

Вечер прошёл как в тумане. Максим был немногословен, но каждый его взгляд, каждое случайное прикосновение обжигали. Когда Артём отвлёкся на звонок, Максим наклонился ко мне и прошептал:

— Вы играете с огнём, Руслана.

Я повернулась к нему. Наши лица были в нескольких сантиметрах друг от друга. Его дыхание касалось моей щеки.

— А вы, похоже, любите смотреть, как горят.

Он усмехнулся, и в его глазах вспыхнуло пламя.

— Я люблю не смотреть. Я люблю поджигать.

В этот момент вернулся Артём. Максим отстранился, как ни в чём не бывало, и заговорил о делах. Но я видела: он тоже задыхается.

После той ночи я не могла думать ни о чём другом. Максим Волков стал моим наваждением. Я искала его в отражениях витрин, в толпе, в своих снах. Артём был нежен и предупредителен, но его прикосновения больше не вызывали ничего, кроме пустоты. Я ненавидела себя за это. Я пыталась убедить себя, что это просто интрига, что опасные мужчины всегда притягивают, но это пройдёт. Но не проходило.

Через неделю Артём уехал в командировку. Он попросил Максима «присмотреть» за мной. Я тогда не знала, что это станет началом конца.

Максим позвонил мне на следующий день после отъезда брата. Его голос в трубке был низким, как гром.

— Нужно поговорить. Я заеду через час.

Он не спрашивал. Он ставил перед фактом. И я, вместо того чтобы отказаться, согласилась. Потому что хотела его увидеть. Потому что сходила с ума.

Я открыла дверь, когда он приехал. На нём была тёмная футболка, обтягивающая мускулистую грудь, и джинсы. Без пиджака, без маски делового человека. Просто зверь, пришедший за своей добычей.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он, переступая порог.

— Что именно?

— Играешь с огнём.

— А что, если я хочу сгореть?

Он захлопнул дверь и прижал меня к стене. Его тело было как раскалённая скала. Его руки упёрлись по обе стороны от моей головы, заточив меня в клетку.

— Ты не знаешь, о чём просишь, девочка.

— Так покажи мне.

Его губы впились в мои. Это был не поцелуй — это было наказание. Грубо, жадно, с привкусом мяты и виски. Его язык ворвался в мой рот, и я застонала, вцепившись в его плечи. Он прижал меня сильнее, и я почувствовала его возбуждение — твёрдое, требовательное.

— Ты моя, — прорычал он, отрываясь от моих губ. — С того самого момента, как я увидел тебя в клубе, ты моя.

— А как же Артём? — прошептала я, хотя тело уже предавало меня.

— К чёрту Артёма. Он слишком мягкий, чтобы удержать такую, как ты. Тебе нужен кто-то, кто сможет тебя сломать и собрать заново.

— Ты?

— Я.

Он подхватил меня на руки так легко, будто я ничего не весила. Я ахнула, обвив руками его шею, и пальцы сами вцепились в жёсткие волосы на затылке. Его тело было горячим, как печь, и сквозь тонкую ткань футболки я чувствовала каждую напряжённую мышцу. Он нёс меня по коридору, не глядя под ноги, уверенно, словно знал этот путь наизусть. Его дыхание было тяжёлым, рваным, и оно обжигало мою щёку. Я не сопротивлялась. Я тонула. Тонула в нём, в его власти, в этом безумии, которое началось в ту самую секунду, когда он впервые посмотрел на меня в клубе.

Он толкнул дверь спальни плечом, и она с грохотом распахнулась. Полумрак, пронизанный серебристым светом уличных фонарей, просачивался сквозь неплотно задёрнутые шторы. Максим не стал включать свет. Он шагнул к кровати и бросил меня на неё, как добычу, которую только что поймал. Я упала на мягкое покрывало, раскинув волосы по подушке, и на мгновение замерла, глядя на него снизу вверх. Он возвышался надо мной, как хищник над жертвой, и в его тёмных глазах горело такое откровенное желание, что у меня перехватило дыхание.

— Ты даже не представляешь, что я хочу с тобой сделать, — проговорил он хрипло, сдёргивая с себя футболку.

Моему взгляду открылась его обнажённая грудь — мощная, покрытая тёмными волосами, с рельефными мышцами, которые перекачивались под кожей при каждом движении. На левом плече — грубый шрам, белевший в полумраке. Я протянула руку, чтобы коснуться его, но он перехватил моё запястье и прижал к кровати над моей головой.

— Не двигайся, — приказал он, наклоняясь ко мне.

Его губы накрыли мои в новом поцелуе — уже не таком яростном, но ещё более глубоком, проникающем до самой души. Его язык скользнул по моей нижней губе, требуя доступа, и я открылась ему без колебаний. Вкус мяты и виски смешался с моим собственным — вкус греха, который я пила, не в силах остановиться. Его свободная рука легла на моё бедро, сжала его сквозь тонкую ткань платья, и я застонала прямо в его рот.

Он оторвался от моих губ, тяжело дыша, и перевёл взгляд на моё тело. Его пальцы нетерпеливо рванули бретельки платья вниз, обнажая плечи, потом ниже, пока ткань не сползла к талии. Я выгнулась, помогая ему, и через мгновение платье полетело на пол. На мне осталось только чёрное кружевное бельё, которое, казалось, сводило его с ума. Он провёл ладонью по моей груди, сжал её, и я вскрикнула от смеси боли и удовольствия. Его большой палец задел сосок сквозь кружево, и по моему телу пробежала дрожь.

— Максим... — выдохнула я, не узнавая собственный голос.

— Тсс, — он прижал палец к моим губам. — Не говори ничего. Просто чувствуй.

Он наклонился и поцеловал мою шею туда, где бешено бился пульс. Его губы двигались вниз, оставляя влажную дорожку по ключицам, по ложбинке между грудями. Одним движением он расстегнул бюстгальтер, и тот отлетел в сторону. Я застонала, когда его рот сомкнулся на моём соске, а вторая рука сжала другую грудь. Он был груб, но в его грубости была странная нежность, которую я не могла объяснить. Он кусал, тут же зализывая место укуса языком, сжимал до синяков, но следом его ладонь скользила по коже так нежно, что слёзы наворачивались на глаза.

Он продолжал спускаться ниже, целуя живот, очерчивая языком контуры пупка. Его пальцы подцепили край моих трусиков и медленно, слишком медленно, стянули их вниз. Я приподняла бёдра, чтобы помочь ему, и он усмехнулся, глядя на меня снизу вверх.

— Какая же ты послушная, — прошептал он, и в его голосе было одобрение, от которого внутри всё сжалось.

Он раздвинул мои ноги и припал губами к самой чувствительной точке. Я вскрикнула, схватившись за его волосы. Его язык творил что-то невообразимое, и я извивалась на просты-

нях, задыхаясь от наслаждения. Волна за волной накатывала, унося меня к краю, но он отстранился в самый последний момент, заставив меня застонать от разочарования.

— Не так быстро, — прошептал он, поднимаясь надо мной. — Я хочу, чтобы ты запомнила эту ночь. Чтобы каждую секунду без меня ты вспоминала, как я брал тебя.

Он снял джинсы, оставшись полностью обнажённым. Я не могла отвести взгляда. Он был прекрасен в своей дикой, животной красоте. Возбуждённая плоть упиралась в мой живот, и я почувствовала, как внутри всё сжимается в тугий узел. Я протянула к нему руки, желая ощутить его вес на себе.

— Смотри на меня, — приказал он, проникая в меня одним мощным толчком.

Я вскрикнула, но послушно открыла глаза. Его взгляд был прикован к моему, тёмный, бездонный, полный тьмы и страсти, которая граничила с безумием. Мы двигались, как одно целое, и каждый его толчок выбивал из меня воздух. Я цеплялась за его плечи, царапала спину, оставляя отметины. Он вбивался в меня с такой силой, что кровать скрипела и билась о стену. Я чувствовала, как огонь любви сметает нас, как цунами, смывая все границы, все запреты, все мысли о том, что это неправильно.

— Ты моя, — рычал он, наклоняясь к моему уху. — Скажи это.

— Я твоя, — выдохнула я, и слёзы потекли по вискам — от переизбытка чувств, от осознания, что я пропала окончательно.

Он двигался всё быстрее, жёстче, и я чувствовала, как приближается пик. Его рука скользнула между нашими телами, и он стал ласкать меня в такт движениям. Я выгнулась дугой, вскрикнула, и мир взорвался яркими вспышками. Он кончил следом, с глухим стоном уткнувшись в моё плечо, и его тело содрогнулось.

Несколько минут мы лежали неподвижно, тяжело дыша. Его вес давил на меня, но мне было приятно это давление — оно давало ощущение реальности, защищённости. Наконец он скатился с меня и лёг на спину, закинув руку за голову. Я смотрела в потолок и не могла понять, что натворила. Сердце колотилось где-то в горле, а в животе разливалась странная пустота, смешанная с сытостью.

Максим потянулся к тумбочке, взял пачку сигарет. Щёлкнула зажигалка, оранжевый огонёк на секунду осветил его лицо. Он затаился, выпустил дым в темноту. Запах табака смешался с запахом секса, создавая тяжёлую, пьянящую атмосферу.

— Что теперь? — спросила я тихо, не поворачивая головы.

— Теперь ты моя. И я не отпущу тебя.

— Но Артём... — я произнесла это имя, и оно повисло в воздухе, как приговор.

— Артём никогда не узнает. Если ты будешь молчать.

— А если я не смогу?

Он резко повернул моё лицо к себе. Его пальцы сжали подбородок, заставляя смотреть в глаза. В его взгляде была холодная сталь, которая не оставляла сомнений: он не шутит.

— Сможешь. Потому что я этого хочу.

Я проглотила его, как таблетку. Горькую, но необходимую. И знала, что отныне моя жизнь разделится на «до» и «после». Я стала наркоманкой. А он моим сладким ядом.

Он снова затаился, глядя в потолок, и я заметила, как на его лице промелькнула тень, может быть, вина? Но она исчезла так же быстро, как появилась. Максим Волков не позволял себе слабостей.

— Завтра я уеду по делам, — сказал он. — Вернусь через три дня. Ты будешь ждать меня. Это был не вопрос.

— Да, — ответила я, сама не веря, что соглашаюсь.

Он развернулся ко мне, притянул к себе, и я уткнулась лицом в его горячую грудь. Его рука легла на мою голову, поглаживая волосы. В этом жесте было что-то почти нежное, и от этого становилось ещё больнее.

— Спи, — прошептал он.

Я закрыла глаза, но сон не шёл. В голове крутились обрывки мыслей: предательство, страсть, страх, безумие. Я знала, что эта ночь изменила всё. И что рано или поздно за сладкий яд придётся платить.

Но пока я лежала в его объятиях и чувствовала, как его дыхание становится ровным, я поняла: я не хочу другой участи. Пусть будет больно. Пусть будет грех. Лишь бы он был рядом.

Эта мысль пугала больше всего.

От Автора.

Хочу порадовать Вас этой книгой. Она мой подарок для Вас!

Если она Вам понравилась - Подпишитесь на автора [Ирина Савицкая](#) (нажмите на кнопку: Подписаться на автора), нажмите на кнопку: "Оставить комментарий" и отправьте добрый смайлик - мне будет приятно). Благодарю Вас.

Глава 2. Таблетка

Солнечный свет бил прямо в глаза пробиваясь сквозь щель между шторами, и я проснулась. Тело ныло, словно по нему проехал грузовик, но внутри было странное, тягучее удовольствие. Я потянулась, и простыня скользнула по обнажённой коже, напоминая о том, что произошло ночью. Максима рядом не было. Я провела ладонью по смятой подушке, где ещё сохранился его терпкий, мужской запах с нотками табака и чего-то неуловимо опасного. На тумбочке лежал сложенный листок бумаги, придавленный моим телефоном.

Я села, придерживая одеяло у груди, и развернула записку. Почерк у него был резкий, размашистый, будто он высекал буквы ножом.

«Мне нужно было уехать рано. Не ищи меня. Через три дня я вернусь, и мы продолжим. Ты знаешь, что теперь моя. Не делай глупостей. М.»

Я перечитала записку три раза. «Не делай глупостей» — это звучало и как предупреждение, и как забота. Я поднесла листок к лицу, вдохнула. Бумага пахла им. Я ненавидела себя за то, что улыбаюсь, как дурочка. За то, что моё сердце колотится от одной мысли, что он думал обо мне, оставляя эту записку. Он не ушёл молча. Он оставил след. Он хотел, чтобы я ждала.

Я откинулась на подушки и закрыла глаза. Перед внутренним взором снова пронеслась ночь: его руки, его голос, то, как он приказывал смотреть на него, когда проникал в меня. Я почувствовала, как низ живота снова наливается теплом. Это было неправильно. Это было предательством. Но я не могла думать об Артёме, не испытывая тошноты от собственной лжи. Я повторяла себе, что люблю Артёма, что он добрый, заботливый, что он спас меня от нищеты. Но все эти слова теперь звучали фальшиво. Я не любила его. Я была благодарна ему. А любила я того, кто только что оставил синяки на моих бёдрах.

Телефон завибрировал, разрывая тишину. Я вздрогнула, увидев на экране имя «Артём». Сердце ухнуло вниз, а к горлу подкатила волна паники. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь, и ответила.

— Привет, милая, — его голос звучал так нежно, так доверчиво, что у меня защипало в глазах. — Я уже соскучился. Как ты?

Я сглотнула ком в горле и заставила себя улыбнуться, хотя он не мог этого видеть.

— Привет. Всё хорошо. Я только что проснулась. Устала вчера.

— Макс тебя не напрягал? — в его тоне слышалась лёгкая тревога. — Он иногда бывает резким.

Макс. Он не напрягал. Он разложил меня на этой самой кровати и заставил кричать его имя... но я, конечно, этого не сказала.

— Нет, всё нормально. Он заезжал, проверил, всё ли в порядке, и уехал, — я ненавидела, как легко ложь слетает с моих губ.

— Отлично. Я скоро вернусь. Может, сходим куда-нибудь? В тот ресторан, где ты любишь пасту с морепродуктами.

— Конечно, — прошептала я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — Я буду ждать.

— Я тебя люблю, Руслана.

— И я тебя, — ответила я, и это было самой большой ложью в моей жизни.

Я сбросила вызов и упала на подушку, зарывшись лицом в подушку, которая ещё хранила запах Максима. Слёзы хлынули сами собой — горькие, обжигающие. Я плакала не из-за вины. Я плакала оттого, что поняла: я не смогу остановиться. Я буду ждать его. Я буду снова и снова глотать эту таблетку, даже зная, что она отравляет меня.

Следующие три дня тянулись, как резина. Я ходила на работу, улыбалась посетителям, делала вид, что всё в порядке, но мои мысли были только о нём. Каждый раз, когда хлопала дверь или звонил телефон, я вздрагивала, надеясь, что это он. Ночью я лежала без сна, ворочаясь в кровати, и моё тело ныло от неуголённого желания. Я трогала себя там, где он оставил синяки, и представляла его руки на своём теле. Я ненавидела себя, но не могла остановиться.

На третий день, когда я уже была готова сойти с ума, в дверь моей квартиры позвонили. Я подошла к глазку и увидела его. Он стоял в тёмном коридоре, прислонившись плечом к косяку, и смотрел прямо в объектив, будто знал, что я смотрю. На нём была чёрная водолазка, облегающая его мощный торс, и тёмные джинсы. Волосы были взлохмачены, а глаза горели тем голодным огнём, который я уже научилась распознавать.

Я открыла дверь, и он вошёл без приглашения, словно имел на это полное право. С порога его взгляд впился в меня — голодный, требовательный, прожигающий до костей. Он скинул куртку, не глядя бросил её на стул и шагнул ко мне, сокращая расстояние.

Схватил меня за затылок, притянул к себе и впился в мои губы жёстким, требовательным поцелуем. Я застонала, вцепившись в его плечи. От него пахло мятой, табаком и чем-то ещё — кровью? Я отстранилась, пытаюсь разглядеть его лицо.

— Что случилось? — прошептала я, заметив свежую царапину на его скуле.

— Ничего, что касалось бы тебя, — он снова притянул меня, но я упёрлась ладонями в его грудь.

— Максим, я волновалась. Ты сказал, что вернёшься. Я ждала.

Он усмехнулся, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на нежность, но тут же исчезло.

— Ты скучала?

— Ты же знаешь, что да.

— Скажи это.

— Я скучала. Я сходила с ума. Думала о тебе каждую секунду.

Он прижал меня к стене, его бедро вклинилось между моих ног, и я почувствовала его возбуждение, упирающееся в мой живот.

— Хорошо, — прошептал он, наклоняясь к моему уху. — Потому что я тоже не мог выбросить тебя из головы. Ты теперь мой личный ад, Руслана. Ты знаешь, зачем я пришёл, — проговорил он низким, хриловатым голосом, от которого у меня внутри всё сжалось в тугой узел.

— Догадываюсь, — выдохнула я, чувствуя, как воздух между нами становится горячим и плотным.

Он не ответил. Просто прижал меня к стене своим телом, и я ощутила каждый его мускул сквозь тонкую ткань футболки. Его руки скользнули под неё, горячие ладони легли на мою талию, потом поднялись выше, сжали грудь с такой силой, что я ахнула, откинув голову назад. Боль и удовольствие смешались, заставляя меня забыть обо всём на свете.

— Максим... — прошептала я, но он не дал мне договорить.

Его губы впелись в мою шею, он целовал, покусывал, зализывал языком, оставляя новые отметины на коже, которые завтра придётся прятать от Артёма. Я не сопротивлялась. Я тонула в нём, как в первый раз, как будто все эти дни без него были лишь бледной тенью настоящей жизни.

— Подожди, — выдохнула я, когда его ладонь уже расстегнула пуговицу на моих джинсах и потянула молнию вниз. — Нам нужно поговорить.

— Потом, — прорычал он, подхватывая меня на руки.

Я обвила его шею руками, вцепилась пальцами в жёсткие волосы на затылке, пока он нёс меня в спальню. Мир плыл, я видела только его лицо, искажённое желанием, и чувствовала, как его возбуждение упирается в моё бедро. Он толкнул дверь ногой и, не дойдя до кровати, поставил меня на пол возле стены, сразу же прижимая к ней всем телом.

Мы стали срывать друг с друга одежду в исступлении, как будто от этого зависела наша жизнь. Моя футболка полетела на пол, за ней — его рубашка, пуговицы которой разлетелись в стороны. Я впила ногтями в его обнажённую спину, оставляя красные дорожки. Он застонал, рванул мои джинсы вниз, и через секунду я осталась только в кружевных трусиках, которые он сдёрнул одним движением.

— Ненавижу, когда ты так смотришь на меня, — прошептал он, разворачивая меня лицом к стене.

— Как?

— Так, будто я твой единственный грех, — он прижался сзади, и я почувствовала его горячее дыхание на своей шее. — Но мне это нравится.

Он вошёл в меня резко, без предупреждения, и я вскрикнула, вцепившись руками в стену. Это было жёстко, быстро, как будто мы не могли насытиться, как будто каждая секунда без этого была пыткой. Его ладони сжимали мои бёдра, притягивая меня ближе с каждым толчком, и я стонала в голос, не в силах сдерживаться.

— Тише, — прошептал он, но сам не сбавлял темпа. — Или хочешь, чтобы весь дом знал, чья ты?

— Твоя, — выдохнула я, утыкаясь лицом в сгиб локтя, чтобы заглушить крик. — Только твоя.

Он зарычал, прижав меня к стене ещё сильнее, и я почувствовала, как его пальцы впишутся в мою кожу, оставляя синяки — метки собственности, которые я потом буду разглядывать в зеркале с болезненным наслаждением. Я закричала и звук смешался с его хриплым дыханием.

Потом он развернул меня, подхватил под бёдра и усадил на комод, стоявший у стены. Я обхватила его ногами, притягивая к себе, и он снова вошёл, теперь глядя мне прямо в глаза. Его взгляд был тёмным, бездонным, полным такой страсти, что мне стало страшно — за нас, за Артёма, за всё, что мы рушили.

— Ты моя, — повторял он, как мантру, с каждым толчком. — Только моя.

— Только твоя, — отвечала я, и в этот момент верила в это. Верила, что нет ничего важнее этого мужчины, этой близости, этого огня, который сжигал нас обоих.

Мои ногти царапали его плечи, спина выгибалась навстречу, и я чувствовала, как волна наслаждения поднимается всё выше, грозя поглотить меня целиком. Он накрыл мои губы своими, и поцелуй был таким же яростным, как и всё, что происходило между нами. Мы кончили почти одновременно — я вскрикнула ему в рот, и он проглотил этот звук, содрогнувшись всем телом.

Несколько минут мы стояли, прижавшись друг к другу, тяжело дыша. Его лоб упирался в мой, капли пота блестели на висках. Я не могла пошевелиться, ноги дрожали, а сердце колотилось где-то в горле. Наконец он подхватил меня на руки и отнёс на кровать, где мы рухнули на смятые простыни.

Он лежал на спине, глядя в потолок, а я пристроилась рядом, положив голову на его плечо. В комнате пахло сексом, табаком и грехом. Он потянулся за сигаретами, щёлкнула зажигалка, и в полумраке на мгновение вспыхнул оранжевый огонёк, осветив его резкий профиль. Я рисовала пальцем узоры на его груди, обводя контуры мышц, шрамы, тёмные завитки волос.

— Что теперь? — спросила я, нарушив тишину. Мой голос прозвучал тихо, почти жалобно.

— То же, что и раньше, — он затаился, выпустил дым в потолок. — Мы встречаемся тайно. Ты молчишь. Я решаю проблемы.

— Какие проблемы?

— Артём. Он вернётся завтра. Нам нужно быть осторожнее.

Я приподнялась на локте, заглядывая в его лицо. В полутьме его глаза казались ещё темнее, в них плясали отсветы тлеющей сигареты.

— Ты хочешь продолжать? После того, как он вернётся?

— А у нас есть выбор? — он посмотрел на меня холодно, и от этого взгляда у меня внутри что-то оборвалось. — Ты хочешь остановиться?

Я молчала. Я знала ответ. Нет. Я не хотела останавливаться. Эта мысль пугала, но от неё некуда было деться. Я стала зависимой от него, от его прикосновений, от его голоса, от этой запретной, разрушительной страсти.

— Вот именно, — он усмехнулся, прочитав ответ в моих глазах. — Ты подседа на меня, как на наркотик. И я не собираюсь тебя отпускать.

— Это нечестно по отношению к нему, — прошептала я, чувствуя, как вина снова сдавливает горло.

— Жизнь вообще нечестная, девочка. Привыкай.

Он затушил сигарету в пепельнице и повернулся ко мне, подперев голову рукой. Его свободная ладонь легла на моё бедро, поглаживая нежную кожу, всё ещё горячую после близости. В его прикосновении было что-то почти нежное, и от этого становилось ещё больнее.

— Знаешь, что самое забавное? — проговорил он задумчиво, не глядя на меня.

— Что?

— Я никогда не думал, что захочу женщину так, что готов буду предать брата. Но с тобой... с тобой я теряю контроль.

— Это плохо?

— Для меня — да. Я не привык терять контроль. Но с тобой мне... нравится.

Он наклонился и поцеловал меня. В этот раз поцелуй был нежным, почти трепетным, совсем не похожим на ту бурю, что бушевала между нами минуту назад. Его губы скользнули по моим мягко, бережно, и в этом жесте было столько невысказанного, что у меня защипало в глазах.

И в этот момент я поняла, что пропала окончательно. Я любила его. Не просто хотела, не просто была одержима страстью. Любила. Всем сердцем, всей душой, всем своим существом.

И это знание было горше любого яда.

Встречи продолжались. Мы выработали целую систему конспирации, которая со временем стала нашей второй натурой. Я знала, что это неправильно, что каждый наш шаг — это предательство человека, который доверяет нам обоим, но остановиться не могла. Стоило только Максиму позвонить или написать одно короткое сообщение и я срывалась с места, как наркоман, получивший дозу после ломки. Встречались мы в отелях на окраинах города, где персонал не задавал лишних вопросов, снимали номера на чужие имена, никогда не выходили вместе на улицу и не светились в людных местах. Каждая встреча была как укол адреналина, как прыжок в пропасть без страховки.

Я помню один из таких вечеров особенно ярко. Он позвонил, когда я была на работе, и его голос в трубке прозвучал как приговор:

— Сегодня. Отель «Заря», седьмой этаж, номер 704. Через два часа. Не опаздывай.

И всё. Короткие гудки. Я стояла в подсобке ресторана, прижав телефон к уху, и чувствовала, как сердце заходится в бешеном ритме. Два часа тянулись как вечность. Я отпросилась у управляющего, сославшись на плохое самочувствие, заехала домой, приняла душ, надела простое чёрное платье, которое легко было снять, и отправилась на такси на другой конец города, петляя по дворам, чтобы запутать следы. Всё это время меня трясло — не от страха быть пойманной, а от предвкушения. От одного только знания, что через несколько минут я увижу его, моё тело начинало гореть.

Когда я вошла в номер, он уже ждал. Стоял у окна, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на вечерний город. Я замерла на пороге, не в силах отвести от него глаз. Он был в тёмной рубашке с закатанными до локтей рукавами, ворот расстёгнут, волосы слегка взлохмачены. В полумраке номера, освещённого лишь тусклой лампой, он выглядел как хищник, готовый к нападению. Услышав мои шаги, он обернулся, и его тёмные глаза вспыхнули.

— Ты пришла, — сказал он низко, и в его голосе было столько собственнического удовлетворения, что у меня подкосились ноги.

— Ты знал, что я приду.

— Да. Знал.

Он подошёл ко мне медленно, как зверь, который не хочет спугнуть добычу. Остановился в нескольких сантиметрах, и я вдохнула его запах — кожа, табак, мята, что-то дикое и опасное. Он провёл костяшками пальцев по моей щеке, спустился к шее, обводя линию ключицы.

— Я скучал, — прошептал он, и это признание прозвучало как вызов, как капитуляция.

— Я тоже, — выдохнула я, закрывая глаза, чтобы не утонуть в его взгляде.

Он притянул меня к себе и впился в губы. Поцелуй был жадным, почти грубым, с привкусом виски и мяты. Его руки сжали мои плечи, потом спустились на талию, на бёдра, притискивая меня всё ближе. Я чувствовала его возбуждение, упирающееся в мой живот, и это сводило с ума. Мы занимались любовью прямо у двери, не дойдя до кровати — он сорвал с меня платье, я расстегнула его рубашку, и через минуту мы уже были на полу, на ковре, сплетаясь в единый комок из стонов, горячих тел и рваного дыхания. Он брал меня сзади, прижимая лицом к коврику, и я кусала губы, чтобы не закричать на весь отель. Потом он перевернул меня на спину и снова вошёл, глядя в глаза, и в его взгляде было столько тьмы и нежности одновременно, что я не выдержала и кончила, вцепившись ногтями в его плечи.

После мы лежали на кровати, обессиленные. Он курил, а я смотрела в потолок, слушая, как бьётся его сердце. В номере пахло сексом, табаком и грехом. Я чувствовала, как всё глубже проваливаюсь в эту запретную связь, как она затягивает меня, словно тряпина. И не хотела выбираться.

Иногда он приезжал ко мне домой поздно ночью, когда весь город спал. Я ждала его у окна, вглядываясь в темноту, вздрагивая от каждого шороха. Он никогда не предупреждал заранее — просто появлялся, как тень, как наваждение. Стук в дверь в два часа ночи, и моё сердце подпрыгивало к горлу. Я открывала, и он входил, не говоря ни слова, прижимал меня к стене и целовал так, словно не видел целую вечность. Эти ночные визиты были самыми опасными и самыми сладкими. Мы занимались любовью в полной тишине, стараясь не шуметь, но это только распалило нас сильнее. Его ладонь накрывала мой рот, заглушая стоны, пока он вбивался в меня, и я чувствовала себя абсолютно беспомощной, подчинённой его воле. Он уезжал до рассвета, оставляя на подушке свой запах и записку с одним словом: «Жди». И я ждала. Каждую секунду, каждую минуту, каждую ночь.

Каждая встреча была как укол адреналина, как доза, без которой я больше не могла существовать. Я просыпалась с мыслью о нём, засыпала с его именем на губах. Моё тело помнило каждое его прикосновение, каждый поцелуй, каждый приказ. Я стала тенью прежней себя — улыбчивой официантки, мечтавшей о спокойной жизни. Теперь во мне жила только одна потребность: быть с ним. И после каждого раза, когда он уходил, я чувствовала, как всё глубже проваливаюсь в эту запретную связь, как она опутывает меня своими ядовитыми нитями, как сладкий яд растекается по венам, отравляя душу.

Артём вернулся из командировки и был всё так же нежен и внимателен. Я встретила его в аэропорту, и он, едва увидев меня, бросился обнимать, приподнял над землёй и закружил, словно мы не виделись не две недели, а целую вечность. От него пахло дорогим одеколоном и ментоловой жвачкой, и этот запах был таким знакомым, таким безопасным, но внутри у меня всё сжалось от тоски. Я улыбалась, обнимала его в ответ, говорила, как скучала, но перед

глазами стояло другое лицо — жёсткое, с тёмными глазами, в которых горел огонь, способный испепелить меня дотла.

Артём забирал меня с работы каждый вечер. Его белоснежный «Мерседес» останавливался у служебного входа, и я видела, как он выходит из машины с букетом — то нежно-розовые пионы, то белые лилии, то мои любимые кремовые розы. Он открывал передо мной дверцу, помогал сесть, целовал в щёку, и я чувствовала себя принцессой из сказки, которую он сам для меня придумал. Но эта сказка была чужой. Я примеряла её, как дорогое платье, которое жмёт в груди и не даёт дышать.

— Я так соскучился, — говорил он, накрывая мою ладонь своей, когда мы сидели в ресторане. — В командировке все эти скучные переговоры, контракты, партнёры... А я думал только о тебе.

— Я тоже думала о тебе, — отвечала я, глядя в его голубые глаза, и ненавидела себя за эту ложь.

Он водил меня в лучшие рестораны города, заказывал мои любимые блюда, рассказывал о планах, о том, как хочет расширить бизнес, о доме, который присмотрел для нас. Я слушала его, кивала, улыбалась, но всё это время мои мысли были далеко — в номере дешёвого отеля на окраине, где меня ждал другой мужчина, чьи прикосновения обжигали, а не согревали.

Каждый раз, когда Артём касался меня — брал за руку, обнимал за плечи, целовал в висок, — моё тело инстинктивно сжималось от вины и от осознания того, что я принадлежу другому, что моя кожа ещё хранит запах его сигарет, а на бёдрах синяки от его жадных ладоней. Я старалась не думать об этом, но память тела была сильнее. Я вздрагивала, и Артём, конечно, замечал, но списывал всё на усталость или переживания.

— Ты какая-то напряжённая, милая, — говорил он, поглаживая мои волосы. — Всё хорошо?

— Да, просто много работы. Ночные смены выматывают.

— Может, тебе уйти из ресторана? Я же могу о тебе позаботиться. Зачем тебе вообще работать?

— Я не хочу сидеть у тебя на шее, Артём. Мне важно чувствовать себя самостоятельной.

Он не спорил, лишь целовал меня в лоб и прижимал к себе, шепча, что хочет сделать меня счастливой. А я стояла в его объятиях, как каменное изваяние, и мечтала, чтобы он поскорее отпустил.

Близость с ним была для меня пыткой. Я не всегда могла избежать её под разными предлогами — усталость, головная боль, плохое настроение, женские дни. Артём не давил, он был терпелив и деликатен, но я видела, как он страдает от моей холодности, и это разрывало меня на части. Иногда я сдавалась, позволяла ему войти, закрывала глаза и представляла, что это не он, а Максим. И тогда всё менялось: я начинала стонать, извиваться, отдаваться с той страстью, которую копила для другого. Артём, не подозревая, принимал эту страсть на свой счёт, ускорился, шептал нежности, а я в этот момент ненавидела себя так сильно, что хотелось умереть.

Но даже в эти минуты с ним всё было пресно. Не было того огня, той дикой, животной силы, того отчаяния, которое я испытывала с Максимом. С Артёмом это был красивый, правильный секс, как по учебнику: свечи, музыка, нежные поцелуи, забота о моём удовольствии. Он старался, и я ценила это, но моё тело не отзывалось на его прикосновения так, как отзывалось на грубые ласки другого. Мне не хватало боли, граничащей с наслаждением, не хватало жёсткости, не хватало ощущения опасности. С Максимом я чувствовала себя живой, с Артёмом — просто существующей.

Он не давил, и за это я была ему благодарна. Никогда не упрекал, не требовал объяснений, не заставлял. Он просто любил меня так, как умел — тихо, преданно, безоглядно. И от этого становилось ещё больнее. Потому что я не могла ответить ему тем же. Потому что внутри разрасталась пропасть, и края её с каждым днём становились всё дальше друг от друга.

Артём, вернувшись, не замечал ничего. Он был счастлив, строил планы, говорил о свадьбе. В один из вечеров, когда мы гуляли по набережной, он вдруг остановился, опустился на одно колено и достал из кармана маленькую бархатную коробочку. Моё сердце ухнуло вниз. Я смотрела на его сияющее лицо, на кольцо с бриллиантом, сверкавшее в свете фонарей, и не могла вымолвить ни слова.

— Руслана Кобзева, — произнёс он торжественно, и его голос дрожал от волнения. — Ты стала смыслом моей жизни. Я не могу представить ни одного дня без тебя. Выйдешь за меня замуж?

Прохожие оборачивались, улыбались, кто-то даже начал аплодировать. А я стояла как громом поражённая, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Я должна была сказать «да». Должна была броситься ему на шею, закричать от счастья, как это делали героини романтических фильмов. Но вместо этого в моей голове билась одна мысль: «Я не могу. Я не могу предать Максима. Я не могу предать Артёма. Я не могу предать себя».

— Да, — выдохнула я, потому что не смогла сказать «нет».

Артём надел кольцо на мой палец, подхватил меня на руки и закружил. Люди вокруг радовались, а я улыбалась сквозь слёзы, которые он принимал за слёзы счастья. Но это были слёзы отчаяния.

Как-то вечером он привёз меня домой, и я чувствовала, как кольцо на пальце жжёт кожу, словно раскалённый обруч. Артём был переполнен счастьем, его глаза сияли, он не мог оторвать от меня взгляда. Всю дорогу он держал мою руку, периодически поднося её к губам и целуя костяшки, а я смотрела в окно, пытаюсь справиться с тошнотой, подступающей к горлу. Я должна была радоваться, должна была чувствовать себя самой счастливой женщиной на свете — мне только что сделал предложение мужчина, о котором мечтали многие. Но вместо этого внутри была пустота, зияющая, холодная, как могила.

Дома он не стал ждать, пока я разденусь. Едва за нами захлопнулась дверь, он прижал меня к стене и начал целовать — жадно, но в то же время нежно, со всей той любовью, которую я не заслуживала. Его руки скользнули под мою блузку, поглаживая спину, и я почувствовала, как моё тело отзывается, но не на него. Не на Артёма. Я закрыла глаза и попыталась убедить себя, что всё в порядке, что это правильно, что он мой жених, мой выбор, моё будущее. Но перед внутренним взором стояло другое лицо. Жёсткое, с тёмными глазами, в которых горел огонь, способный испепелить меня дотла.

Я отдавалась ему с той страстью, которую не могла контролировать, но в голове было пусто. Вернее, не пусто — в голове был Максим. Его руки на моём теле, его голос, его запах, его собственнические прикосновения. Я целовала Артёма, но представляла другие губы. Я стонала, но эти стоны предназначались не ему. Моё тело выгибалось навстречу, но это было не его тело, которое я хотела чувствовать внутри себя.

Мы переместились в спальню. Он уложил меня на кровать, покрывая поцелуями шею, грудь, живот. Я извивалась, вцепляясь пальцами в простыни, и со стороны это выглядело как ответная страсть, как желание, рвущееся наружу. Но внутри меня разворачивалась настоящая битва. Я разрывалась между двумя реальностями, и та, в которой был Максим, побеждала с пугающей лёгкостью.

Когда Артём наконец вошёл в меня, я закусила губу, чтобы не закричать. Он двигался медленно, размеренно, стараясь доставить мне удовольствие, шёпотом спрашивая, хорошо ли мне. Я кивала, сжимала его плечи, целовала в висок, но все мои ощущения были сосредоточены не на нём. Я представляла, как это делает Максим — жёстко, грубо, до боли, до искр из глаз. Как он прижимает меня к стене, сжимает бёдра, рычит моё имя. Как он приказывает смотреть ему в глаза, когда я кончаю.

И я кончила.

Оргазм накрыл меня внезапно, как волна, и в этот самый момент из моих губ вырвалось имя Макса. Я выкрикнула его, уткнувшись лицом в подушку, и звук получился смазанным, невнятным, похожим на стон. Артём услышал лишь нечленораздельный вскрик, который он принял за выражение страсти. Он застонал в ответ, ускорился и через несколько секунд тоже достиг пика, рухнув на меня, тяжело дыша.

— Боже, Руся, — прошептал он, утыкаясь лицом в мою шею. — Ты такая горячая сегодня. Я так счастлив.

Я не ответила. Просто лежала под ним, чувствуя, как его вес давит на меня, и мечтала провалиться сквозь землю. Слезы подступали к глазам, но я сдерживала их, боясь, что он заметит. Кольцо на пальце казалось тяжёлым, как кандалы. Я стала невестой одного брата, будучи любовницей другого. И эта двойная жизнь медленно, но верно разрывала меня изнутри.

Артём перекатился на бок, притянул меня к себе, обнял одной рукой и почти сразу заснул, умиротворённый, с улыбкой на губах. Его дыхание стало ровным, тёплым, а я лежала без сна, глядя в потолок, по которому скользили тени от ветвей дерева за окном. Я считала трещинки на штукатурке, чтобы не думать, но мысли всё равно лезли в голову, как змеи.

Что я наделала? Я согласилась выйти замуж за человека, которого не любила, но перед которым была в неоплатном долгу. Я носила кольцо, символизирующее верность, но моя верность уже давно принадлежала другому. Я лежала в постели с одним братом, а моё тело, моё сердце, моя душа были отданы другому. Я была двуличной тварью, предательницей, лгуньей. И самое страшное — я не могла остановиться.

Максим. Одно его имя отзывалось дрожью внизу живота. Я вспоминала его голос, его прикосновения, то, как он смотрел на меня, когда был внутри. Это было не просто влечение — это была зависимость, болезнь, от которой нет лекарства. Я знала, что он монстр, что его мир пропитан кровью и жестокостью. Но именно эта тьма притягивала меня, как мотылька к пламени. Я готова была сгореть, лишь бы ещё раз почувствовать его тепло.

Я повернула голову и посмотрела на Артёма. Он был красив, спокоен, беззащитен во сне. Рядом с ним я была бы в безопасности, в достатке, в уюте. Но это была бы не жизнь, а существование. С Максимом же я жила на пределе, на грани, каждую секунду чувствуя себя по-настоящему живой. И эта разница была мучительной.

Двойная жизнь разрывала меня изнутри. Я не могла выбрать. Не могла отказаться ни от одного, ни от другого. Артём давал мне стабильность, Максим — страсть. И я жадно пила из обоих источников, понимая, что рано или поздно захлебнусь.

Слезы беззвучно потекли по моим щекам. Я вытерла их ладонью, стараясь не разбудить Артёма. Кольцо блеснуло в лунном свете, и я почувствовала его тяжесть не только на пальце, но и на сердце. Оно было как кандалы, как напоминание о лжи, в которой я погрязла. Я стала невестой одного брата, будучи любовницей другого. И с каждым днём эта ноша становилась всё невыносимее.

Но выхода я не видела. Вернее, видела — один из них должен был узнать правду. И тогда всё рухнет. И я знала, что этот день не за горами.

Я глотала свою вину, как горькую таблетку, запивая её ложью. Днём я носила маску счастливой невесты, улыбалась, показывала кольцо коллегам, выслушивала поздравления. Ночью я срывала эту маску и превращалась в другую женщину — страстную, дикую, принадлежащую Максиму. Одна жизнь — светлая, с Артёмом, с его заботой и нежностью, с мечтами о семье и уютном доме. Другая — тёмная, с Максимом, с его страстью и разрушительной силой, с запахом табака и опасности.

И я не знала, какая из них настоящая.

Может быть, обе. А может быть, ни одна.

Я знала лишь одно: чем дольше это продолжается, тем страшнее будет расплата. И она приближалась с каждым днём, как неумолимая волна, готовая смыть всё, что я построила — и с одним, и с другим.

Моя жизнь превратилась в пороховую бочку, и достаточно было одной искры, чтобы всё взлетело на воздух.

Эта искра не заставила себя ждать.

Телефон завибрировал. Сообщение от Максима было коротким: «В клубе маски-шоу. Налоговая и убийный отдел. Шаров землю роет. Три дня дома, никуда не выходи».

Майор Шаров. За последний месяц это имя стало для Волковых настоящим проклятием. Принципиальный опер из МУРа, которого невозможно купить. Максим нервничал: за неделю прокуратура арестовала двух менеджеров сети клубов по подозрению в отмывании денег, а вчера пожарные закрыли «Пепел» якобы из-за нарушения норм пожарной безопасности. Война перешла из тени под софиты камер оперативных съемок.

Глава 3. Запретный плод семьи Волковых

Однажды мы втроём оказались на семейном ужине в особняке Волковых. Это был первый раз, когда я увидела Максима и Артёма вместе после начала нашего романа. Мы сидели за огромным столом, и напряжение было почти осязаемым. Артём держал меня за руку, рассказывая отцу о каких-то сделках. Максим сидел напротив, и я чувствовала его взгляд на себе, даже не поднимая глаз.

Когда Артём отвернулся, чтобы ответить на вопрос матери, Максим под столом коснулся моей ноги. Я вздрогнула, но не отодвинулась. Его туфля скользнула вверх по моей лодыжке, и я затаила дыхание. Он проделал это медленно, мучительно, зная, что я не могу ничего сказать. Я сжала ноги, но он лишь усмехнулся, глядя в свой бокал.

— Что-то не так, Руслана? — спросил Артём, повернувшись ко мне. — Ты покраснела.

— Всё в порядке, — выдавила я, делая глоток воды. — Просто жарко.

— Действительно, — согласился Максим, и его глаза блеснули.

Я почувствовала, как его нога снова коснулась меня, теперь выше, и по моему телу пробежала дрожь. Это было унижительно и возбуждающе одновременно. Я ненавидела его за это, но желала продолжения.

После ужина, когда мы прощались в холле особняка, Максим улучил момент. Артём отошёл попрощаться с отцом, а мы на секунду остались одни у двери. Он наклонился, будто бы поправить мой шарф, и его губы почти коснулись моего уха. Я почувствовала его горячее дыхание, смешанное с запахом виски и мяты, и по телу пробежала дрожь, которую я не смогла скрыть.

— Сегодня ночью в два, — прошептал он, и его голос был низким, вибрирующим, как натянутая струна. — В моей машине. Приезжай на парковку за клубом. В два часа.

Он отстранился, посмотрел мне в глаза, и в его взгляде было столько тёмной, голодной решимости, что у меня подкосились ноги. Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Артём вернулся, обнял меня за талию, поцеловал в висок и сказал, что отвезёт меня домой. Всю дорогу я сидела, как на иголках, чувствуя на себе взгляд Максима в зеркале заднего вида, пока он не свернул на другую дорогу.

Дома я не могла найти себе места. Сначала легла в кровать, пытаюсь уснуть, но перед глазами стояли его губы, его шёпот, его обещание. Я встала, подошла к окну, выглянула на улицу. Город спал, окутанный тишиной, и только редкие фары прорезали темноту. Я знала, что если поеду, то пересеку очередную черту, из-за которой уже нет возврата. Но я также знала, что не поехать не смогу. Это было сильнее меня. Наркотик, который я сама выбрала, уже тек по венам, и я нуждалась в новой дозе.

В половине второго я надела тёмное платье, накинула лёгкий плащ и выскользнула из квартиры. Сердце колотилось так, что его стук отдавался в висках. Я вызвала такси от соседнего квартала, вышла и остаток пути прошла пешком, прячась в тених, как преступница. Ночной воздух был прохладным, пахло сырым асфальтом и надвигающейся грозой. Я шла быстро, не оборачиваясь, хотя внутри всё сжималось от страха и предвкушения.

Парковка за клубом была пуста, если не считать одинокого чёрного внедорожника, припаркованного в самом тёмном углу. Я увидела его издали, и сердце ёкнуло. Машина Максима. Он уже ждал. Внутри горел слабый свет приборной панели, но двигатель был заглушен. Я подошла, и переднее пассажирское окно плавно опустилось.

— Садись назад, — услышала я его голос, хриплый, приглушённый, и по спине пробежал электрический разряд.

Я открыла заднюю дверь и скользнула в салон. Здесь было темно, пахло кожей, табаком и его одеколоном — той самой смесью, которая сводила меня с ума. Он сидел в углу, откинувшись на спинку, и смотрел на меня, не двигаясь. В полумраке его глаза казались двумя чёрными провалами, в которых плясали отблески далёких фонарей.

— Ты пришла, — проговорил он, и в его голосе было столько собственнического удовлетворения, что я почувствовала, как низ живота наливается тяжестью.

— Ты знал, что я приду.

— Да. Знал.

Он протянул руку, схватил меня за затылок и притянул к себе. Его губы впились в мои — жёстко, жадно, без предисловий. Я застонала, отвечая с той же яростью, запустив пальцы в его волосы. Поцелуй был как удар тока, как прыжок в ледяную воду — он выбил из меня весь воздух, но вместе с тем наполнил странной, пьянящей энергией.

— Ты хоть понимаешь, что я с тобой делаю? — прошептал он, оторвавшись на секунду, его лоб прижался к моему.

— Ты сводишь меня с ума, — выдохнула я.

— Это взаимно, — он усмехнулся, и в его глазах блеснуло что-то тёмное, почти безумное.

Это было безумие. Мы занимались любовью в салоне его внедорожника, на заднем сиденье, под звуки ночного города. Стекла запотели, отрезая нас от внешнего мира, и мы оказались в собственном коконе, наполненном горячим дыханием, стонами и запахом греха. Он срывал с меня платье, я расстёгивала его рубашку, путаясь в пуговицах дрожащими пальцами. Спешка, нетерпение, голод — всё смешалось в один исступлённый порыв.

Он был груб, как всегда. Его ладони сжимали мои бёдра, оставляя новые синяки поверх старых, впивались в кожу, как клеймо. Он подмял меня под себя, прижав спиной к прохладной коже сиденья, и вошёл резко, без подготовки, вырвав из моих губ сдавленный вскрик. Я вцепилась ногтями в его спину, царапая, оставляя дорожки, и он зарычал мне в шею, ускоряя темп.

— Моя, — хрипел он, вбиваясь в меня с силой, от которой машина слегка покачивалась. — Только моя.

— Твоя, — отвечала я, и слово это звучало как молитва, как клятва, как приговор.

Но в этой грубости была отчаянная нежность, которая разрывала мне сердце. Я чувствовала её в том, как он поддерживал мою голову, чтобы не ударились о дверцу, как его губы на секунду касались моего виска, как он шептал моё имя, когда думал, что я не слышу. В его жестокости было столько любви, что становилось больно. Он ломал меня и одновременно оберегал, и это противоречие сводило с ума.

Я стонала его имя, забыв об осторожности, и эти звуки эхом отдавались в замкнутом пространстве салона. Ночной город гудел где-то далеко, но здесь, в этой машине, существовали только мы — сплетённые в узел из страсти, вины и отчаянного желания быть вместе, несмотря ни на что. Его движения становились всё более рваными, я чувствовала, как он теряет контроль, и это распаляло ещё сильнее.

— Смотри на меня, — приказал он, и я открыла глаза, встречая его тёмный, безумный взгляд.

Мы кончили одновременно, и я выкрикнула его имя, вбиваясь ногтями в его плечи, чувствуя, как мир рассыпается на осколки. Он содрогнулся всем телом, уткнувшись лицом в мою шею, и несколько мгновений мы лежали неподвижно, тяжело дыша, оглушённые произошедшим.

Потом он приподнялся, опираясь на локти, и посмотрел на меня. В его глазах всё ещё горел огонь, но теперь к нему примешивалась какая-то горькая усталость.

— Мы не можем так продолжать, — тихо сказал он, но его руки всё ещё обнимали меня, словно он не мог отпустить.

— Знаю, — ответила я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — Но я не могу остановиться.

— Я тоже, — признался он, и это признание прозвучало как проклятие.

Я лежала в его объятиях, слушая, как бьётся его сердце, и понимала, что всё это когда-нибудь взорвётся. Наша тайна была как бомба с часовым механизмом, и время неумолимо отсчитывало секунды. Каждая встреча, каждый поцелуй, каждый взгляд приближали нас к краю пропасти.

Но пока я была здесь, в его руках, я не думала о последствиях. Я просто чувствовала. И это чувство было единственным, ради чего стоило жить.

— Я хочу, чтобы ты ушла от него.

Я замерла.

— Что?

— Я не могу больше делить тебя с братом. Это сводит меня с ума. Ты должна с ним порвать.

— А что потом? — я приподнялась, глядя на него. — Ты расскажешь ему правду?

— Я всё улажу. Но сначала ты должна уйти.

— Максим, он не переживёт этого. Он любит меня.

— А ты? Ты его любишь?

Я молчала. Ответ был очевиден.

— Вот именно, — он усмехнулся. — Ты любишь меня. И я люблю тебя. А он... он найдёт себе другую. Ему будет больно, но это пройдёт.

Я покачала головой.

— Ты не знаешь Артёма. Для него это будет ударом. И твоё предательство — тоже.

— Я готов пойти на это ради тебя.

Я смотрела в его тёмные глаза и видела в них решимость. Но также и страх. Он боялся потерять брата, но ещё больше боялся потерять меня.

— Дай мне подумать, — прошептала я.

Он кивнул и снова притянул меня к себе.

— Только не тяни, Руслана. Время уходит.

Я закрыла глаза, чувствуя, как его сердце бьётся под моей щекой. Я знала, что это решение разрушит всё. Но я не могла представить свою жизнь без него.

Я проглотила эту таблетку — горькую, отравляющую, но такую необходимую.

И она начала действовать.

Прошло ещё две недели. Я всё ещё не решалась сказать Артёму. Каждый раз, когда он смотрел на меня своими голубыми глазами, полными любви, язык прилипал к нёбу. Я откладывала и откладывала, находя оправдания. Максим становился всё нетерпеливее. Он требовал, чтобы я сделала выбор, но я трусила.

Всё решилось само.

В тот вечер я поехала к Максиму, чтобы поговорить. Последние дни превратились в сплошной кошмар: Артём всё чаще заговаривал о свадьбе, о доме, о детях, и каждое его слово камнем ложилось мне на грудь. Я больше не могла притворяться, не могла разрываться между двумя братьями. Мне нужно было поставить точку. Я думала, что если увижу Максима, если посмотрю ему в глаза, то смогу объяснить, почему нам нельзя продолжать. Я наивно полагала, что смогу уйти.

До его офиса я добралась на такси. Водитель высадил меня за квартал, и дальше я шла пешком по тёмным переулкам, стараясь не привлекать внимания. Вечер был душный, липкий, с тяжёлым запахом бензина и мокрого асфальта после недавнего дождя. Фонари горели

через один, отбрасывая длинные рваные тени. Я куталась в лёгкий кардиган, хотя мне не было холодно — меня трясло изнутри, от нервов, от предчувствия беды.

Офис Максима находился в неприметном трёхэтажном здании на окраине делового района. Днём здесь кипела жизнь: охранники у входа, дорогие машины, люди в костюмах. Сейчас же всё выглядело мёртвым. Окна были тёмными, лишь над входом горела тусклая лампа. Я уже собиралась позвонить ему, как услышала приглушённые голоса со стороны парковки за зданием. Любопытство и тревога заставили меня свернуть в переулок.

Я подошла к углу здания и осторожно выглянула. То, что я увидела, заставило кровь застыть в жилах.

На парковке, освещённой единственным фонарём, стояли трое мужчин. Двое из них — крепкие, в тёмных куртках, явно из охраны Максима — держали третьего. Тот был худой, в разорванной рубашке, с разбитым лицом. Он стоял на коленях, а его руки были вывернуты за спину. Он молил о пощаде, но слова его были невнятными, прерывались всхлипами и кашлем.

А над ним возвышался Максим.

Он стоял спиной ко мне, но я узнала его мгновенно — по этой властной позе, по широким плечам, по тому, как он чуть наклонил голову, словно разглядывая свою жертву. В его правой руке был нож. Лезвие блестело в свете фонаря, как ледяная молния. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Ты знал, чем рискуешь, когда решил меня кинуть, — проговорил он холодно, и в его голосе не было ни капли эмоций.

Это был не тот Максим, которого я знала. Не тот, кто шептал мне на ухо нежности, кто смотрел на меня с голодным желанием, кто смеялся, когда я злилась. Это был кто-то другой — чужой, беспощадный, жестокий. Тот самый Волков, о котором говорили шёпотом в криминальных кругах. Тот, кто не знал пощады.

Человек на коленях что-то залепетал, умоляя, клялся, что всё вернёт, что это было недоразумение. Максим молчал, и эта тишина была страшнее любых угроз. Я прижала ладонь ко рту, чтобы не закричать. Сердце колотилось так, что я боялась, что его удары слышны за версту. Я знала, что он опасен, знала, что его мир пропитан насилием, но видеть это своими глазами... Это было другое. Это была реальность, от которой невозможно было спрятаться.

Он сделал быстрое, почти неуловимое движение. Я услышала сдавленный вскрик, булькающий звук, и человек обмяк. Максим вытер нож о его рубашку, не глядя, и что-то коротко, отрывисто сказал своим людям. Они потащили тело к багажнику стоявшей рядом машины. Меня затошнило. Я отвернулась, прижимаясь спиной к холодной стене, и судорожно задышала, пытаясь справиться с рвотным позывом.

Меня трясло. По вискам стекал холодный пот. Я не могла оторвать взгляд от того, что только что видела, хотя и закрыла глаза. Картинка отпечаталась на внутренней стороне век: нож, блеснувший в свете фонаря, падающее тело, безразличный взгляд Максима.

Он убил человека. Хладнокровно. Без колебаний. И после этого он придет ко мне, будет целовать меня, шептать, что я его. Как он может? Как я могла полюбить такого?

Я не помню, как вырвалась из того переулка. Ноги сами понесли меня прочь, подальше от этого ужаса, подальше от него. Я бежала, не разбирая дороги, спотыкаясь на каблуках, хватая ртом сырой ночной воздух. Слезы застилали глаза, и мир превратился в размытое пятно. Я бежала, пока не оказалась в каком-то тёмном парке, где без сил рухнула на деревянную скамейку и разрыдалась.

Рыдания сотрясали всё тело. Я обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, но она не проходила. Я видела перед собой его лицо — лицо монстра, которого я, оказывается, совсем не знала. Я любила монстра. И этот монстр хотел, чтобы я бросила его брата ради него. Хотел, чтобы я стала частью этого мира, где человеческая жизнь не стоит ничего.

И самое ужасное то, что где-то в глубине души я понимала, что, несмотря ни на что, всё ещё хочу его. Что эта тёмная, страшная сторона не отталкивает меня, а пугающе притягивает. И это осознание разрывало меня на части.

Я достала телефон. На экране уже было три пропущенных звонка и несколько сообщений от Максима.

«Ты где?» «Почему не отвечаешь?» «Не пугай меня».

Я смотрела на эти слова и не могла понять: как человек, только что отнявший жизнь, может беспокоиться о том, почему я не беру трубку? Он не был чудовищем. Он был хуже — он был чудовищем, которое умело любить. И от этого становилось ещё страшнее.

Я не ответила. Отключила телефон и уставилась в темноту, слушая, как ветер шелестит листвой. Слёзы высохли, оставив после себя пустоту. Я любила монстра. И теперь этот монстр знал, что я его боюсь.

Надо было бежать. Но куда? От него невозможно было скрыться. Он всегда находил то, что принадлежало ему. А я... я принадлежала ему. До конца.

Эта мысль, горькая и обжигающая, как яд, окончательно сломала меня. Я поднялась со скамейки и медленно побрела домой, не чувствуя ног. Ночь поглотила меня, а вместе с ней и все мои надежды на спасение.

Я любила монстра. И этот монстр хотел, чтобы я бросила его брата ради него.

В ту ночь я не поехала к нему. Не ответила на его звонки. Вернувшись домой, я заперла дверь на все замки, чего не делала никогда раньше, и, не раздеваясь, опустилась на пол в гостиной, прижавшись спиной к холодной стене. В квартире было темно — я не стала включать свет, боясь, что он выдаст меня. Я сидела в этой вязкой, плотной темноте и смотрела на экран телефона, который разрывался от сообщений. Он писал, что волнуется, что приедет, что я не имею права игнорировать его. Каждое новое сообщение звучало как приговор, как напоминание о том, что я попала в ловушку, из которой нет выхода.

Экран высвечивал его имя — "Максим". И каждый раз, когда оно появлялось, моё сердце сжималось в болезненном спазме. Я не знала, что ответить. Я боялась его. Боялась того человека, которого увидела на парковке, с ножом в руке и ледяным спокойствием в глазах. Но ещё больше я боялась, что не смогу без него жить. Эта мысль, как червь, точила меня изнутри, лишая воли. Я хотела бы возненавидеть его, отвернуться, забыть. Но не могла. Наркотик уже проник в кровь, и я знала, что без него начнётся ломка.

Телефон снова завибрировал. На этот раз звонок. Я смотрела на него, как на ядовитую змею, не решаясь прикоснуться. Он звонил раз, второй, третий. Потом наступила тишина, и от неё стало ещё страшнее. Я знала, что он не отступит. Знала, что он уже едет.

В дверь зазвонили. Я вздрогнула всем телом, хотя ждала этого. Подошла к глазку на негнущихся ногах и увидела его лицо, искажённое гневом и тревогой. Он стоял вплотную к двери, опираясь ладонью о косяк, и смотрел прямо в объектив, будто видел меня сквозь металл.

— Открой, Руслана, — проговорил он сквозь дверь, и его голос, низкий, с рычащими нотками, проник под кожу. — Я знаю, что ты дома.

Я колебалась. Сердце стучало где-то в горле, ладони вспотели. Я прижалась лбом к холодной двери, пытаясь собраться с мыслями. Но я знала, что он всё равно войдёт — дверь была хлипкой, а он был не из тех, кто отступает. Лучше открыть самой, чем дать ему снести её с петель.

Я отперла замок и открыла.

Он ворвался внутрь, как ураган, схватил меня за плечи и прижал к стене. Его глаза метались по моему лицу, и в них была смесь гнева, страха и отчаяния, которую я никогда раньше не видела. От него пахло табаком, перегаром и чем-то холодным — тем самым запахом, который я почувствовала на парковке. Я невольно вздрогнула, и он это заметил.

— Что случилось? Почему ты не отвечаешь? — его голос был резким, но в нём слышалась настоящая паника.

Я подняла на него заплаканные глаза. Слезы снова потекли по щекам, хотя я думала, что они уже высохли.

— Я видела тебя, Максим. Сегодня вечером. С этим человеком.

Он замер. Его пальцы, сжимавшие мои плечи, разжались. Лицо превратилось в каменную маску, лишённую каких-либо эмоций. Только желваки заиграли на скулах.

— Ты видела? — переспросил он глухо.

— Да. И я поняла, что совсем тебя не знаю.

Он отпустил меня и отступил на шаг. В его глазах промелькнуло что-то вроде боли — быстрый, едва уловимый отблеск, который тут же сменился привычной сталью.

— Это моя работа, Руслана. Ты знала, в каком мире я живу.

— Знала, но не хотела верить, — прошептала я, обхватив себя руками, как будто это могло защитить меня от правды.

— И что теперь? Ты боишься меня? — он задал вопрос прямо, и в его голосе не было ни насмешки, ни угрозы. Только горечь.

Я молчала. Слезы текли по щекам, капали на грудь, на пол. Я не могла вымолвить ни слова, потому что ответ был слишком страшным. Да, я боялась его. Но ещё больше боялась, что он сейчас уйдёт, и я останусь одна, в этой темноте, наедине со своей пустотой.

— Ты должна решить, — сказал он тихо, но твёрдо. — Либо ты принимаешь меня таким, какой я есть, либо мы расстаёмся. Я не смогу измениться.

— А Артём? — прошептала я, и это имя повисло между нами, как призрак.

— Артём — единственное, что меня останавливает, — он прикрыл глаза, и на секунду его лицо исказилось болью. — Но если ты боишься меня, то нам не по пути.

Он повернулся к двери. Я видела, как напряглась его спина, как пальцы сжались в кулаки. Он действительно уходил. Он готов был оставить меня, если я не смогу принять его тьму.

— Подожди! — я сорвалась с места и схватила его за руку. Его кожа была горячей, а пульс бился так же бешено, как мой. — Я не знаю, что делать. Я запуталась.

Он повернулся резко, притянул меня к себе и впился в мои губы. Поцелуй был отчаянным, горьким, как пепел. Он целовал меня так, будто прощался, будто хотел выжечь из моей памяти всё то, что я видела, оставить только его, только это безумие. Я ответила с той же отчаянностью, запустив пальцы в его волосы, прижимаясь всем телом. Слезы смешались с нашим дыханием, и я почувствовала их солёный вкус на губах.

— Я не отпущу тебя, — прошептал он, отрываясь, и в его глазах снова загорелся тот тёмный огонь, который пугал и манил. — Даже если ты будешь умолять.

И я знала, что это правда.

Он снова прижал меня к стене, и мы занялись любовью той ночью, как будто прощались. Это было не так, как раньше. Не было яростной спешки, голода. Была глубокая, мучительная нежность, смешанная с болью. Каждое его прикосновение было как вопрос, на который у меня не было ответа. Каждый мой стон — как клятва, которую я не могла сдержать. Он двигался медленно, глядя мне в глаза, и я видела в них не только тьму, но и отчаяние, так похожее на моё.

Мы кончили вместе, и в этот момент я почувствовала, как что-то между нами оборвалось. Тонкая нить, связывавшая нас, лопнула, оставив после себя кровоточащую рану. Он уткнулся лицом в мою шею, и я почувствовала, как его тело содрогается от сдерживаемых рыданий. Или это мои собственные.

Потом он лежал рядом, глядя в потолок, и его рука сжимала мою ладонь так крепко, что побелели костяшки. Мы молчали. Все слова были уже сказаны, и все они были ложью.

В глубине души я чувствовала, что это начало конца. Наш яд уже начал действовать, разъедая всё, что было между нами. И остановить этот процесс было невозможно.

Эта мысль была как яд. Сладкий, но смертельный.

Он поднялся, оделся, не глядя на меня. У двери остановился и обернулся.

— Я даю тебе время, — сказал он хрипло. — Но помни: ты моя.

И ушёл, оставив меня одну в разгромленной, пропахшей им квартире. Я лежала, не в силах пошевелиться, и смотрела на закрывшуюся дверь. Сладкий яд продолжал течь по венам, отравляя душу.

И я знала, что это только начало.

От Автора:

Чтобы Вам не скучно было ждать продолжение предлагаю Вам ознакомиться с уже законченной книгой: [Пепел. Каждую ночь на коленях](#) Автор: [Ирина Савицкая](#)

Аннотация к книге [Пепел. Каждую ночь на коленях](#)

Брат жив и сейчас находится под круглосуточной охраной, а вчерашняя медсестра хосписа теперь стоит на коленях в закрытом гараже с кляпом во рту. Савва не задает никаких вопросов. Он просто сдирает с нее больничную форму своими грубыми пальцами, пожирая ее глазами. «Ты не отработаешь этот долг ни за месяц, ни за год. Ты будешь платить каждую, слышишь, каждую ночь, пока я не перестану видеть ее лицо вместо твоего». Его дыхание пахнет дорогим виски и жгучей ненавистью, а прикосновения уже обжигают не только стыдом. Ей плевать на его боль, но, когда он входит в нее резко и без просьбы, ее тело кричит «да» раньше, чем мозг успевает соврать.

Глава 4. Порочный круг

Три дня. Три бесконечных дня, превратившихся в вязкую серую массу, где не было толком ни дня, ни ночи. Я жила, как в тумане. Ходила на работу, механически улыбалась посетителям, принимала заказы, отвечала на звонки, но всё это происходило будто не со мной. Тело выполняло привычные движения, а разум был где-то далеко — в той тёмной квартире, где остался запах Максима, и в том переулке, где я увидела его истинное лицо.

Он не звонил. Не писал. Никак не проявлял себя. Исчез, как будто его и не было. Я убеждала себя, что рада этому, что это шанс выбраться из порочного круга, но в глубине души знала, что я снова жду. Каждый раз, когда телефон оживал, моё сердце подпрыгивало, а в горле пересыхало. Но это был не он. Артём. Мой жених. Человек, который не знал, что его мир стоит на краю пропасти.

Артём звонил каждый день. Несколько раз в день, если быть точной. Его голос в трубке был тёплым, заботливым, полным нежности и любви, которую я не заслуживала. Он спрашивал, как я себя чувствую, не заболела ли, почему я такая тихая. Я отвечала односложно, ссылаясь на усталость и перегрузки. Он предлагал приехать, забрать меня, увезти куда-нибудь отдохнуть. Я отказывалась, и каждый раз, когда я вешала трубку, меня накрывала такая волна вины, что хотелось кричать и плакать.

На третий день он всё-таки приехал без предупреждения. Я открыла дверь и увидела его на пороге с букетом алых роз и пакетом из дорогого кондитерского магазина. Он улыбался, но в его глазах пряталась тревога.

— Руслана, я не мог больше ждать, — он шагнул внутрь и обнял меня. — Ты меня пугаешь. Что происходит?

Я стояла, как деревянная, в его объятиях, чувствуя, как его руки сжимаются на моей спине. От него пахло одеколоном и прохладой улицы. Розы пахли сладко, до тошноты. Я не могла обнять его в ответ так, как он заслуживал. Внутри была пустота.

— Всё в порядке, Артём. Просто устала на работе, — я отстранилась, избегая его взгляда.

— Устала? — он недоверчиво покачал головой. — Ты три дня избегаешь меня. Если дело в свадьбе, если ты передумала, просто скажи. Я не буду давить на тебя и упрекать в чем-то.

Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня с такой надеждой, с таким страхом потерять, что у меня сжалось сердце. Как я могла так поступить с ним? С человеком, который не сделал мне ничего плохого, который любил меня так искренне, так безоглядно?

— Я не передумала, — солгала я. — Просто... мне нужно немного времени, понимаешь, для меня всё это в новинку, я нервничаю. Всё так быстро. У меня мандраж.

Артём выдохнул, и его лицо просветлело. Он поставил цветы в вазу, выложил на стол эклеры с кремовой начинкой, которые купил специально для меня, и сел рядом. Его рука легла на мою, и я почувствовала тепло, которое должно было успокаивать, но вместо этого только жгло, как клеймо.

— Я понимаю, — заговорил он мягко. — Свадьба, приготовления, всё это волнительно. Но помни, что я всегда рядом. Мы справимся вместе. Ты же знаешь, как я тебя люблю.

— Знаю, дорогой, — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком.

Он остался на ужин. Я приготовила пасту с овощами, которую он так любил, и лёгкий салат. На кухне пахло базиликом и оливковым маслом, но у меня не было аппетита. Я сидела напротив него, ковыряя вилкой в тарелке, и старалась не встречаться с ним взглядом. Артём ел с удовольствием, нахваливая мою стряпню, и его лицо светилось той спокойной, уверенной радостью, которая бывает у человека, уверенного в своём будущем.

Он говорил о предстоящем торжестве. О том, что уже присмотрел ресторан на берегу реки, с панорамными окнами и террасой, увитой цветами. Что отец предложил организовать

всё за свой счёт и хочет пригласить оркестр, чтобы всё было «по высшему разряду». Что он мечтает увидеть меня в белом платье, идущую к нему по проходу под звуки скрипки.

— Ты только представь, Руслана, — он отложил вилку и взял мою руку, переплетая пальцы. — Весь город будет смотреть на нас. Моя семья, твои друзья... Это будет лучший день в нашей жизни. Я хочу разделить свою радость со всем миром. Но, главное в моей жизни ты.

Я кивала, улыбалась, вставляла односложные фразы: «Да, конечно, милый», «Звучит чудесно, дорогой», «Я тоже так хочу». Но мысли мои были в другом месте. Я смотрела на его счастливое лицо и думала о том, что этот человек, который сидит напротив меня и планирует наше будущее, не подозревает, что его брат целовал мои губы, сжимал моё тело, шептал, что я принадлежу ему. Что на моих бёдрах ещё не зажили синяки от его жадных ладоней. Что в моей сумочке лежит записка от Максима, которую я перечитываю по ночам, как молитву.

Я ненавидела себя за эту ложь. За то, что улыбаюсь, когда хочется кричать. За то, что позволяю ему строить планы, зная, что они никогда не сбудутся. Но я не могла остановиться. Я была слишком труслива, чтобы сказать правду, и слишком зависима, чтобы порвать с Максимом.

После ужина Артём остался. Я не смогла отказать ему, когда он притянул меня к себе в постели. Его губы были нежными, руки осторожными, он целовал меня так, словно боялся сломать. Сначала в губы, потом в шею, в ключицы, спускаясь ниже. Каждое его прикосновение было пропитано любовью и заботой, но моё тело не отзывалось. Я лежала, как кукла, позволяя ему ласкать себя, и чувствовала только пустоту.

— Ты напряжена, — прошептал он, отрываясь от моей груди. — Я делаю что-то не так?

— Нет, всё хорошо, — я погладила его по голове, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Просто устала.

— Я могу быть нежнее.

— Не надо нежнее. Продолжай.

Я закрыла глаза и попыталась отдаться ощущениям. Его губы скользили по моему животу, руки гладили бёдра, а я изо всех сил пыталась почувствовать хоть что-то. Но вместо этого перед внутренним взором снова встал Максим — его жёсткие черты, его грубые ладони, его голос, приказывающий смотреть на него. Я вспомнила, как он брал меня сзади, прижимая к стене, как рычал моё имя, как я кричала от удовольствия, забывая обо всём. Эти воспоминания обожгли, как удар хлыста, и я вздрогнула.

Артём замер.

— Что-то не так? — он приподнялся на локте, заглядывая мне в лицо, и в его глазах была тревога, смешанная с обидой.

— Нет, всё хорошо, — я притянула его обратно, целуя с той страстью, которую не чувствовала. — Не останавливайся.

Он поверил. Или сделал вид, что поверил. Его движения стали увереннее, он вошёл в меня, и я застонала — но это был стон не удовольствия, а отчаяния. Я обхватила его ногами, вцепилась в плечи, стараясь соответствовать его ритму, но в голове крутилась только одна мысль: «Это не он. Это не Максим». Я ненавидела себя за это, но ничего не могла поделать.

Всё было не так. Всё было фальшиво. Я лежала в объятиях одного брата, а думала о другом. Артём шептал мне нежности, называл своей единственной, а я представляла, как эти же слова произносит другой голос — низкий, с хрипотцой, способный заставить меня дрожать. Когда он кончил, я тоже изобразила оргазм — сжалась, застонала, прижалась к нему, надеясь, что он не заметит фальши. Он заснул, умиротворённый, обняв меня одной рукой, а я лежала без сна, глядя в потолок, и ненавидела себя.

Я ненавидела себя за то, что предаю его. За то, что позволяю ему любить меня, зная, что моё сердце принадлежит другому. За то, что не могу разорвать этот порочный круг, хотя

понимаю, что он разрушает нас всех. Слёзы текли по вискам, впитывались в подушку, но я не всхлипывала, боясь разбудить его.

Утром он уехал, оставив на подушке записку: «Ты — моё счастье. Люблю. Скоро увидимся». Я взяла её, прочитала, и в груди что-то оборвалось. Я скомкала бумагу и бросила в мусорное ведро, но потом, постояв минуту, достала, разгладила дрожащими пальцами и спрятала в ящик комода, под стопку белья.

Зачем? Я и сама не знала. Наверное, чтобы помнить, кого я предала. Чтобы каждый раз, открывая этот ящик, видеть свидетельство своей лжи. Чтобы не позволить себе забыть, что я разрушила жизнь человека, который любил меня так искренне, так безоглядно. Эта записка стала моим приговором, моей меткой Каина, и я хранила её, как преступник хранит оружие убийства с ужасом и необъяснимым влечением.

Я стояла у окна, сжимая в руке разглаженный листок, и смотрела, как машина Артёма скрывается за поворотом. Солнце уже поднялось, заливая комнату безжалостным светом, и в этом свете всё выглядело особенно уродливым: пустая постель, осколки вчерашнего ужина, моя обнажённая ложь. Я прижала записку к груди и тихо, беззвучно зарыдала, как человек, который давно научился плакать по-настоящему.

Прошло ещё два дня. Максим не появлялся. Я начала верить, что он решил оставить меня в покое, что тот разговор у двери стал точкой. Но в глубине души я знала, что это не так. Он не из тех, кто отступает. И если он дал мне время, значит, скоро потребует ответ.

Однажды вечером, когда я возвращалась с работы, возле моего подъезда стоял знакомый внедорожник. Чёрный, блестящий под светом фонаря. Моё сердце упало, а потом забилось с утроенной силой. Я замедлила шаг, потом остановилась. Окно передней двери опустилось, и я увидела его. Он сидел за рулём, одетый в тёмную футболку, и смотрел на меня с тем самым выражением, от которого перехватывало дыхание.

— Садись, — коротко бросил он.

— Максим, я не могу...

— Садись. Нам нужно поговорить.

Он не угрожал. Не давил. Но я знала, что сопротивление бесполезно. Я открыла дверь и села на пассажирское сиденье. В салоне пахло им — кожей, табаком, мятой. Я вдохнула этот запах, как пленённый на свободу, и почувствовала, как по телу разливается предательское тепло.

Он молча тронулся с места. Мы ехали по ночному городу, не говоря ни слова. Я смотрела в окно, но видела лишь его отражение. Его профиль был напряжён, челюсть сжата, руки стискивали руль так, что побелели костяшки. Наконец он свернул в тихий переулок, остановил машину и заглушил двигатель.

— Ты приняла решение? — спросил он, не глядя на меня.

— Нет, — честно ответила я. — Я не знаю, что делать.

— Чего ты боишься больше? — он повернулся ко мне, и в его глазах я увидела ту самую сталь, которая тогда, на парковке, решала судьбу человека. — Меня? Или себя?

Я молчала. Ответ был очевиден, но произнести его вслух я не могла.

— Руся, — он взял меня за подбородок, заставляя смотреть на него. — Я не могу изменить то, чем занимаюсь. Это моя жизнь. Я родился в этом мире, и этот мир не отпустит меня. Но я могу защитить тебя. Спрятать. Увезти туда, где никто не найдёт. Если ты согласишься уйти со мной.

— А Артём? — прошептала я.

— Артём переживёт, — его голос дрогнул, но он быстро справился с эмоциями. — Ему будет больно, но он сильнее, чем ты думаешь. А вот я без тебя... я не знаю, что с собой сделаю.

Я смотрела в его глаза и видела в них не только тьму, но и отчаяние. Он говорил правду. Он боялся потерять меня так же, как я боялась потерять его. И всё же...

— Ты убил человека, Максим, — вырвалось у меня. — Хладнокровно. Я видела.

Он отпустил меня и откинулся на спинку сиденья, закрыв глаза.

— Да, убил. И убью ещё, если понадобится. Это не значит, что я чудовище. Это значит, что я делаю то, что должен, чтобы выжить и защитить своих.

— Своих? — горько усмехнулась я. — Ты говоришь об этом так, будто это нормально.

— В моём мире это нормально. В твоём нет. Но ты влезла в мой мир, как только позволила мне к себе прикоснуться.

Я вздрогнула. Он был прав. Я впустила его, как сладкий яд, и теперь задыхалась от последствий.

— Я не могу так больше, — прошептала я. — Я разрываюсь на части. Я не хочу быть причиной твоей ссоры с братом.

— Ссора уже неизбежна, — сказал он мрачно. — Рано или поздно он узнает. Я не собираюсь всю жизнь прятаться.

— Тогда что нам делать?

Он повернулся ко мне и взял мои руки в свои. Его ладони были горячими и грубыми, но в этом прикосновении было столько нежности, что у меня защемило в глазах.

— Ты должна выбрать. Останься со мной. Мы уедем. Я начну новую жизнь, оставлю этот бизнес, передам дела. Артём ничего не узнает, и мы исчезнем тихо, без скандала. Он будет жить дальше, найдёт себе другую, полюбит снова. А мы... мы будем свободны.

— Ты сможешь оставить всё?

— Ради тебя — да.

Я смотрела в его глаза и хотела верить. Но где-то внутри, в самой глубине души, я знала, что этот мир не отпустит его так просто. И что Артём не будет просто «жить дальше». Он будет искать правду, и когда найдёт её — будет слишком поздно.

— Дай мне ещё немного времени, — попросила я.

Он кивнул, хотя в его взгляде мелькнуло разочарование.

— У тебя есть неделя. Потом я приду за тобой.

Он завёл машину и отвёз меня домой. У подъезда он не стал меня целовать, только сжал мою ладонь на прощание.

— Я люблю тебя, Руслана. Помни об этом.

Я вышла из машины, не ответив, и поднялась к себе. Войдя в квартиру, я закрыла дверь и сползла по ней на пол. Слезы душили меня, но я не проронила ни звука. Я была в ловушке. И знала, что выход из неё будет стоить кому-то жизни.

Прошло несколько дней. Я по-прежнему избегала обоих братьев. И если от Максима я ещё могла спрятаться за стеной собственного страха и неведения, то от Артёма скрыться было невозможно. Он звонил каждые несколько часов, писал сообщения, полные тревоги и нежности, а я смотрела на экран телефона и не могла заставить себя ответить. Каждый его звонок отдавался в груди тупой, ноющей болью. Я понимала, что раню его своим молчанием, но не могла говорить. Любое слово было бы ложью, а лжи во мне скопилось столько, что она отравляла кровь.

Артём начал что-то подозревать. Я чувствовала это по его голосу, по настойчивости, с которой он пытался до меня достучаться. Сначала он спрашивал, всё ли в порядке. Потом — не случилось ли чего. Потом — не обидел ли он меня чем-то. Я отвечала односложно, отговаривалась делами, усталостью, плохим самочувствием. Но с каждым днём мои отговорки звучали всё фальшивее.

Однажды, когда я не ответила на его звонок в очередной раз, он приехал ко мне домой.

Я услышала звонок в дверь и вздрогнула, хотя подсознательно ждала этого. Подошла к глазку и увидела его встревоженное лицо. Он стоял на пороге, сжимая в руке телефон, и в его глазах была та особая решимость, которая появляется у человека, доведённого до предела. Я открыла дверь, и он вошёл, не дожидаясь приглашения.

— Руслана, что с тобой? — он окинул взглядом комнату, будто искал ответ в беспорядке, который я перестала замечать: нераспакованные сумки, пыль на полках, засохшие цветы в вазе. — Ты не звонишь, не пишешь. Я с ума схожу.

— Извини, — я отвернулась, не в силах смотреть ему в глаза. — Просто... у меня не всё в порядке.

— Это из-за свадьбы? — он подошёл ближе, взял меня за плечи и развернул к себе. Его прикосновение было тёплым, но я чувствовала, как дрожат его пальцы. — Мы можем отложить её. Если ты не готова, я пойму. Я всё пойму, только не молчи. Не закрывайся от меня.

— Дело не в свадьбе, Артём.

— Тогда в чём?

Я молчала. Правда давила на меня, как бетонная плита. Она была повсюду: в воздухе, которым я дышала, в тишине, которая повисла между нами, в его встревоженном взгляде, в моём сердце, которое колотилось так, будто готово было разорваться. Я хотела признаться, но не могла. Слова застревали в горле, как острые осколки. Я открывала рот, но не могла произнести ни звука.

— Руслана, — его голос стал жёстче, и в нём прозвучала сталь, которой я никогда раньше не слышала. — Посмотри на меня.

Я подняла глаза. Он смотрел на меня с такой болью, что моё сердце разбилось. В его голубых глазах, всегда таких ясных и доверчивых, теперь стояла мутная пелена страха. Он уже знал. Он чувствовал. Но ему нужно было услышать это от меня.

— Ты... ты меня разлюбила? — спросил он тихо, и его голос дрогнул.

— Нет, — выдохнула я. — Я не знаю, что со мной.

— Это кто-то другой? — его взгляд стал пронзительным, острым, как лезвие. — У тебя кто-то есть?

Я замерла. Вот он. Момент истины. Я могла солгать, и всё продолжалось бы. Могла улыбнуться, сказать, что он всё придумал, что у меня просто депрессия, что мне нужно отдохнуть. И он бы поверил. Он хотел верить. Но я устала лгать. Я хотела, чтобы этот ад закончился. Хотела сбросить с себя эту чудовищную ношу, даже если это раздавит нас обоих.

— Артём, прости меня, — прошептала я. — Я не хотела, чтобы так вышло.

Его лицо побледнело. Он отпустил меня и отступил на шаг, будто я ударила его. В его глазах мелькнуло недоверие, потом ужас, и наконец — осознание. Он всё понял.

— Кто он? — спросил он, и в его голосе зазвучала сталь, которой я никогда раньше не слышала. — Назови имя.

— Это... это сложно.

— Кто он?! — закричал Артём, и я вздрогнула. — Назови имя!

Я закрыла глаза. Слёзы текли по щекам, обжигая кожу. Я знала, что сейчас всё рухнет. Что после этих слов не будет пути назад. Что я разрушу не только свою жизнь, но и жизнь двух братьев, которые, несмотря ни на что, любили друг друга.

— Максим, — прошептала я.

Наступила тишина. Такая звенящая, что я слышала биение собственного сердца. Казалось, даже воздух застыл, ожидая продолжения. Я открыла глаза и увидела, как лицо Артёма превращается в маску ужаса и непонимания. Его губы дрожали, глаза расширились, а кожа стала серой, как пепел.

— Что?.. — выдохнул он. — Мой брат?

— Прости... — только и смогла сказать я.

— Ты спала с моим братом? — его голос сорвался на крик, полный боли и ярости. — С моим родным братом?!

Он схватил вазу с розами, стоявшую на столе, и швырнул её в стену. Осколки разлетелись по полу, вода расплескалась, цветы рассыпались, как символ нашей разрушенной жизни. Я отшатнулась, закрыв лицо руками, чувствуя, как мелкие капли воды попадают на кожу, как осколки стекла звенят под ногами.

— Вы оба! — он метался по комнате, как раненый зверь. Его голос срывался, в нём смешались боль, гнев, отчаяние. — Как вы могли?! Как ты могла?!

— Артём, я...

— Молчи! — он резко обернулся, и я увидела в его глазах слёзы. Настоящие, крупные, они текли по его щекам, и это было страшнее любого крика. — Не смей ничего говорить!

Я замолчала, дрожа всем телом. Он стоял посреди комнаты, тяжело дыша, сжимая кулаки, и смотрел на меня так, будто видел впервые. В этом взгляде было всё: любовь, превратившаяся в ненависть, доверие, разбитое вдребезги, надежда, умершая в одно мгновение. Потом он развернулся и выбежал из квартиры, хлопнув дверью так, что стены задрожали.

Я осталась одна. В тишине. В окружении осколков и разрушенных надежд. Мои ноги подкосились, и я опустилась на пол, прямо на мокрые лепестки роз. Вода впиталась в одежду, но я не чувствовала холода. Я вообще ничего не чувствовала, кроме пустоты, разверзающейся внутри.

Через несколько минут я услышала рёв двигателя. Артём сорвался с места, и звук его машины растворился в ночи. Он поехал к брату.

Я знала, что он поехал к брату.

И я знала, что это конец.

Телефон зазвонил. Я вздрогнула, выныривая из оцепенения. На экране высветилось имя Максима. Я ответила дрожащей рукой.

— Что ты наделала? — его голос был ледяным, но в нём я уловила ту же панику, которую чувствовала сама.

— Я не могла больше лгать, Макс, — прошептала я.

— Он едет сюда. В бешенстве. Ты понимаешь, что может произойти, Руса?

— Понимаю и боюсь.

— Я позвоню позже. Оставайся дома.

Он сбросил вызов. Я сидела на полу, обхватив колени, и молилась. Молилась, чтобы Артём не наделал глупостей. Чтобы они не убили друг друга. Чтобы Максим смог его успокоить. Чтобы всё обошлось.

Но мои молитвы не были услышаны. Не сейчас.

Через час раздался телефонный звонок. Звук показался мне резким, неприятным. На экране высветился незнакомый номер. Я смотрела на него, чувствуя, как холодный страх растекается по венам. Руки дрожали так, что я едва не уронила телефон. Наконец я поднесла его к уху.

— Алло? — мой голос был чужим, сдавленным.

— Девушка, добрый вечер, ваш телефон в списке экстренных контактов, — проговорил равнодушный мужской голос, и от этой казённой интонации у меня всё внутри оборвалось. — Вам нужно срочно приехать в городскую клиническую больницу на улице Чусовской. Артём Волков попал в аварию. Состояние критическое.

Телефон выпал из моих рук. Стукнулся о пол, отскочил. В ушах стоял звон. Комната поплыла перед глазами. Я попыталась вдохнуть, но воздух застрял в груди. Я легла на пол. Всё. Это конец. Конец всему.

Мир перестал существовать.

От Автора. Дорогие читатели, я хочу порадовать Вас этой книгой. Она мой подарок для Вас! Если она Вам понравилась, то, пожалуйста, Подпишитесь на автора [Ирина Савицкая](#) и поставьте отметку: "Мне нравится". Благодарю Вас.

Глава 5. Пепел

Я не помню, как выбежала из квартиры. Кажется, я даже не закрыла дверь. Ноги сами несли меня вниз по лестнице, через тёмный двор, на улицу, где уже не было ни души. В ушах всё ещё звучал равнодушный голос из трубки: «Состояние критическое». Эти слова врезались в мозг, как осколки стекла, и я не могла дышать.

Я поймала такси, назвала адрес больницы, и всю дорогу сидела, вцепившись в край сиденья, глядя на мелькающие за окном огни. Водитель что-то говорил — кажется, спрашивал, всё ли со мной в порядке, — но я не слышала. Перед глазами стояло лицо Артёма, искажённое болью и яростью, его крик: «Как вы могли?!» — и звук хлопнувшей двери. А потом — рёв двигателя, растворившийся в ночи.

Я знала, что он поехал к брату. Знала, что они могли поругаться, что Артём мог сорваться. Но я не думала, что всё закончится так. Не хотела думать.

Больница встретила меня холодным светом ламп, запахом хлорки и чужой боли. Я ворвалась в приёмное отделение, не чувствуя ног, и увидела его. Максим сидел на пластиковом стуле в углу коридора, обхватив голову руками. Его рубашка была разорвана, на руках кровь, на лице ссадины. Он поднял голову, когда я подошла, и я увидела в его глазах такую муку, что у меня подкосились колени.

— Что случилось? — выдохнула я, опускаясь на стул рядом. — Что с ним?

Максим молчал. Его челюсть была сжата, желваки ходили ходуном. Он смотрел сквозь меня, и в этом взгляде была пустота, которая пугала больше любых слов.

— Максим, пожалуйста, — я схватила его за руку. Его пальцы были ледяными. — Скажи мне.

— Он в реанимации, — наконец проговорил он хрипло. — Врачи борются. Но... — он осёкся и снова опустил голову.

— Но что? — мой голос сорвался на шёпот.

— Он влетел в столб на полной скорости. У него множественные травмы, внутреннее кровотечение. Шансов мало, — каждое слово давалось ему с трудом, будто он выталкивал из себя осколки.

Я закрыла глаза. Мир покачнулся. Перед внутренним взором всплыла картина: Артём, сияющий, на набережной, с кольцом в руках. Его голос: «Ты стала смыслом моей жизни». И вот теперь он лежит где-то за этими дверями, и врачи решают, будет ли он жить.

— Это я виноват, — прошептал Максим. — Я не смог его остановить. Он был в бешенстве, кричал, что убьёт меня, что мы оба предатели. Я пытался его успокоить, но он оттолкнул меня, сел в машину и умчался. Я поехал за ним, но не успел. Он уже... уже врезался.

Он замолчал. Я слышала, как его дыхание становится рваным, как он изо всех сил сдерживает слёзы. Я впервые видела его таким — сломленным, уязвимым, лишённым своей обычной каменной брони. И от этого становилось ещё страшнее.

— Это я виновата, — сказала я, и мой голос звучал так же глухо, как его. — Я не должна была говорить ему правду. Я должна была молчать.

— Ты не смогла бы молчать вечно, — он поднял на меня глаза, и в них была боль, смешанная с чем-то, похожим на нежность. — Рано или поздно он бы узнал. Мы оба виноваты. Мы оба его убили.

Эти слова повисли в воздухе, как приговор. Мы сидели в холодном коридоре, окружённые тишиной, нарушаемой лишь далёкими шагами медперсонала, и молчали. Каждый думал о своём, но мысли наши сходились в одной точке — о человеке, который сейчас боролся за жизнь за закрытыми дверями реанимации.

Часы тянулись, как вечность. Я не знала, сколько прошло времени — час, два, три. Максим не двигался, только иногда сжимал и разжимал кулаки. Я сидела рядом, не решаясь прикоснуться к нему, боясь, что любое движение разрушит хрупкое равновесие. В голове крутились обрывки молитв, хотя я давно не верила в Бога. Я просила, умоляла, торговалась: пусть он выживет, пусть только выживет, и я сделаю всё, что угодно. Уеду, исчезну, оставлю обоих, лишь бы он был жив.

Но мои молитвы снова не были услышаны.

Врач вышел из реанимации в тот момент, когда я уже начала верить, что всё обойдётся. Это был пожилой мужчина в зелёной хирургической форме, с усталым лицом и глазами, которые видели слишком много смертей. Он подошёл к нам, и по его походке, по тому, как он снял шапочку и сжал её в руке, я поняла: случилось непоправимое.

— Мы сделали всё, что могли, — произнёс он, и его голос прозвучал как эхо из другого мира. — Но травмы оказались слишком серьёзными. Мне очень жаль. Артём Волков скончался.

Я не закричала. Не заплакала. Просто сидела, глядя в одну точку, и чувствовала, как внутри что-то обрывается, будто оборвалась нить, связывавшая меня с жизнью. Мир стал чёрно-белым, звуки приглушёнными, краски выцвели. Я слышала, как Максим резко встал, слышала его сдавленный стон, похожий на рычание раненого зверя, но не могла пошевелиться.

— Где он? — хрипло спросил Максим. — Я хочу его видеть.

Врач кивнул и повёл нас по коридору. Я шла, как в тумане, не чувствуя ног. Максим держал меня за локоть, но его прикосновение не давало опоры — оно было таким же пустым, как и всё вокруг.

Артём лежал на больничной койке, укрытый белой простыней до груди. Его лицо было бледным, почти прозрачным, на виске — небольшой порез, заклеенный пластырем. Казалось, он просто спит. Я подошла ближе, вглядываясь в его черты, и только теперь заметила, как безмятежно он выглядит. Впервые за последние недели на его лице не было тревоги, боли, подозрения. Только покой. Вечный покой.

— Прости меня, — прошептала я, касаясь его холодной руки. — Прости, что я тебя разрушила.

Горячие, неудержимые слёзы наконец хлынули. Я упала на колени рядом с койкой, уткнувшись лицом в простыню, и зарыдала. Я плакала о нём, о его несбывшихся мечтах, о нашей общей вине, о том, что мы все трое стали жертвами собственных страстей. Максим стоял позади, не двигаясь, и я слышала, как его дыхание сбивается, как он изо всех сил борется с собой.

Потом он опустился рядом со мной, обнял меня, прижал к себе, и мы замерли так — двое убийц, оплакивающих свою жертву.

Дверь распахнулась ещё шире, пропуская внутрь двух людей в штатском. Один из них шагнул вперёд, предъявив удостоверение: майор полиции Дмитрий Александрович Шаров.

— Мы проведём осмотр места происшествия и опрос свидетелей, — сказал он сухо, обращаясь уже не к врачам, а к стоящим в коридоре людям. — Родственники покойного должны будут дать показания.

Сердце Русланы сжалось ледяной хваткой. Она чувствовала на себе тяжёлый, изучающий взгляд следователя. Казалось, он видит её страх, знает больше, чем говорит. Макс стоял рядом, каменный, непроницаемый, но она знала: внутри он кипит.

Позже, на кладбище, среди сотен цветов и слез, Руслана заметила фигуру в тёмном костюме, наблюдающую со стороны. Шаров никуда не делся. Он ждал.

Похороны состоялись через три дня. Для всех я была убитой горем невестой Артёма раздавленной потерей любимого. Никто не знал правды. Никто не догадывался, что под чёрной

вуалью скрывалось не только отчаяние, но и жгучее чувство вины. Я играла свою роль, потому что не могла иначе. Потому что правда убила бы не только меня, но и память о человеке, которого все любили.

Семья Волковых приняла меня как родную. Отец Артёма, седой мужчина с тяжёлым взглядом, несколько раз подходил ко мне, сжимал мои ледяные пальцы и говорил, что я всегда буду частью их семьи. Мать Артёма, заплаканная, осунувшаяся, обнимала меня, прижимала к себе и шептала, что её мальчик был бы счастлив видеть, как сильно я его любила. Каждое такое слово вонзалось в меня ножом, но я лишь благодарно кивала, сдерживая слёзы, которые все принимали за горе.

Максим стоял по другую сторону гроба. В чёрном костюме, с каменным лицом, он был воплощением скорби. Он не смотрел на меня, но я чувствовала его присутствие каждой клеткой. Иногда наши взгляды случайно пересекались, и тогда в его глазах вспыхивало то, что мы оба старались скрыть, — боль, смешанная с отчаянием. Но никто ничего не замечал. Для всех он был старшим братом, потерявшим младшего. Для всех я была девушкой, потерявшей жениха.

На кладбище было пасмурно. Тяжёлые тучи висели над городом, и воздух был пропитан сыростью и скорбью. Когда гроб опустили в землю, и первые комья ударились о крышку, я почувствовала, как что-то внутри меня окончательно умерло. Это была не только вина. Это была та часть меня, которая верила, что у нас с Максимом могло быть будущее.

После похорон все поехали на поминки. Я тоже поехала — не могла отказаться, не вызвав подозрений. Сидела за столом, слушала тосты, воспоминания, плакала вместе со всеми. Но мыслями была далеко. Я искала глазами Максима, но он не пришёл на поминки. Никто не удивился, т.к. все понимали, что ему слишком тяжело. Только я знала, что тяжело ему не только из-за смерти брата.

Я вернулась в свою пустую квартиру поздно вечером. Сняла чёрное платье, смыла макияж, но не смогла смыть с себя груз лжи. Сидела на полу среди осколков разбитой вазы, которые так и не убрала, и смотрела в темноту.

Он пришёл ночью. Без звонка, без предупреждения. Я не удивилась. Я ждала.

Он вошёл, не включая свет, и сел рядом со мной на пол. Мы молчали. Тишина была такой плотной, что её можно было резать ножом.

— Я уезжаю, — наконец произнёс он.

Я повернула голову. В полумраке его лицо было размытым, но я видела, как горят его глаза — сухие, воспалённые.

— Куда?

— Не знаю. Куда-нибудь. Мне нужно исчезнуть.

— А как же я?

Он долго молчал. Потом взял мою руку, сжал её — сильно, до боли.

— Ты останешься здесь. Начнёшь новую жизнь. Забудь меня.

— Максим...

— Я не могу оставаться в этом городе, — его голос сорвался. — Здесь всё напоминает о нём. Каждая улица, каждый угол. И ты... ты тоже напоминаешь. Я не смогу жить с этим.

— Ты винишь меня?

— Нет. Я виню себя. Я должен был остановить его. Должен был уберечь. Но вместо этого... — он осёкся и закрыл лицо ладонью.

Слёзы снова потекли по моим щекам. Я хотела закричать, что он не имеет права так поступать, что мы должны быть вместе, что мы уже заплатили слишком высокую цену. Но слова застревали в горле. Я знала, что он прав. Наша связь была проклята, и теперь, после смерти Артёма, она стала ещё более невозможной.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

— И я тебя, — ответил он, и в его голосе была такая боль, что моё сердце разорвалось.
— Но любовь не должна была стать причиной смерти. Наша любовь отравлена.

Он отпустил мою руку, поднялся и пошёл к двери. У порога обернулся.

— Уезжай из этого города, Руслана. Начни всё заново. Я не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу.

— А ты?

— А я останусь в этом аду. Мне к нему не привыкать.

Дверь закрылась. Я осталась одна. В темноте. В тишине. С пеплом нашей разрушенной любви.

Три года спустя.

Я стояла у панорамного окна своего пентхауса и смотрела на ночной город. В бокале плескался виски, но я не чувствовала его вкуса. Пепел. Всё, к чему я прикасаюсь, рано или поздно превращается в пепел.

Я снова увидела его сегодня. Случайно. На фотографии в деловом журнале. Он стал ещё более жёстким, циничным. Империя Волковых процветала, но в его глазах была пустота. И я поняла, что не могу больше бегать. Я должна была вернуться.

Глава 6. Возвращение в ад

Мы ехали в тишине. Я смотрела на тёмные силуэты деревьев, пронесившиеся за окном, и пыталась унять дрожь, которая всё ещё сотрясала тело. Максим молчал, сосредоточенно глядя на дорогу, но я чувствовала, как напряжение исходит от него волнами. Его руки стискивали руль, на скулах играли желваки, а в глазах, отражавшихся в зеркале заднего вида, плескалась та самая тьма, которую я когда-то боялась и одновременно желала.

Прошло три года. Три долгих, пустых года, наполненных попытками забыть его, начать новую жизнь, притвориться, что всё в прошлом. Я сменила город, работу, круг общения, но каждую ночь просыпалась от одного и того же сна: его руки на моём теле, его голос, шепчущий моё имя, и лицо Артёма, искажённое болью, когда он узнал правду. Я бежала от себя, но так и не смогла убежать.

Теперь я снова рядом с ним. В его машине, пропахшей кожей и табаком. И всё, что я годами давила в себе, поднималось из глубин, как раскалённая лава.

Мы свернули на просёлочную дорогу, потом ещё раз, и вскоре впереди показались очертания небольшого дома, спрятанного среди сосен. Максим остановил машину у крыльца, заглушил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, глядя перед собой.

— Где мы? — спросила я, нарушив тишину.

— Безопасное место. Здесь нас никто не найдёт.

Он вышел из машины, обошёл её и открыл мне дверцу. Его ладонь, протянутая мне, была тёплой и сильной, и я вложила в неё свою руку, чувствуя, как по телу пробегает электрический разряд. Он помог мне выйти, но не отпустил, а повёл к дому, держа за руку, как ребёнка. Я не сопротивлялась.

Внутри было темно, пахло деревом и пылью. Максим включил тусклую лампу под потолком осветившую скромную обстановку: стол, пара стульев, диван, камин в углу. Всё было чистым, но явно нежилым — видно, что сюда приезжали редко.

— Это твой дом? — спросила я.

— Одно из мест, — уклончиво ответил он, не оборачиваясь. Он подошёл к окну, задернул шторы, потом повернулся ко мне. Его лицо было непроницаемым, но глаза выдавали бурю, бушующую внутри.

— Зачем ты вернулась, Руслана? — спросил он тихо, и в его голосе было столько боли, что у меня перехватило дыхание.

— Я не могла больше, — прошептала я. — Я пыталась забыть тебя. Три года пыталась. Но не смогла.

Он шагнул ко мне, остановился в нескольких сантиметрах. Я чувствовала его тепло, его запах, и моё тело отзывалось на него, как цветок на солнце после долгой зимы.

— Ты хоть понимаешь, что рискуешь? — его голос стал хриплым. — Те, кто напали на тебя, не остановятся. Они знают, что ты видела.

— Что я видела? Я не понимаю, о чём ты.

— Ты видела встречу, после которой начались проблемы, — он прищурился. — Ты видела людей, которые не должны были тебя видеть.

Я попыталась вспомнить. Всё произошло так быстро: я вернулась в город, пошла на ту благотворительную выставку, увидела Максима издалека, потом вышла на улицу, чтобы позвонить, и наткнулась на группу мужчин, о чём-то споривших у чёрного внедорожника. Они заметили меня, и один из них что-то крикнул. Я побежала, а дальше — провал. Только страх, бег, звонок Максиму...

— Я не видела ничего особенного, — сказала я. — Просто мужчины разговаривали.

— Эти мужчины не любят свидетелей, — Максим покачал головой. — Они из клана, с которым у меня давняя война. Ты засветилась, и теперь они будут искать тебя.

Я вздрогнула. Значит, опасность реальна. Не просто уличные хулиганы — а серьёзные люди, из его мира. Того мира, от которого я бежала.

— Но почему они напали на меня? Я ничего не знаю.

— Им не нужно знать, знаешь ты или нет. Достаточно того, что ты была рядом. Они убьют тебя, чтобы не рисковать.

Он смотрел на меня в упор, и в его глазах я видела не только тревогу, но и что-то ещё — ту самую решимость, которая когда-то пугала меня. Он был готов защищать меня, даже ценой собственной жизни.

— Поэтому ты спас меня, — прошептала я.

— Конечно, спас, — он горько усмехнулся. — Я же не мог позволить им тронуть тебя.

— А если бы они убили тебя?

— Это было бы платой за всё, что я сделал, — он отвернулся, пряча лицо.

Я шагнула к нему, положила ладонь на его спину, почувствовала, как напряжены мышцы под тканью рубашки.

— Максим, я не хочу, чтобы ты умирал, — прошептала я. — Я вернулась не для этого.

— Зачем же ты вернулась? — он резко повернулся, схватил меня за плечи. — Чтобы снова втянуть меня в этот ад? Чтобы напомнить о том, что я разрушил?

— Я вернулась, потому что люблю тебя, — выдохнула я, глядя ему в глаза. — Потому что без тебя я не живу, а существую. Потому что все эти годы я чувствовала только пустоту. Я хочу быть с тобой, несмотря ни на что.

Его лицо исказилось, как от боли. Он сжал мои плечи сильнее, потом резко притянул к себе и впился в губы. Это был не нежный поцелуй — это была атака, полная отчаяния, злости и безумной, невысказанной тоски. Я ответила с той же яростью, вцепившись в его волосы, прижимаясь всем телом. Его язык ворвался в мой рот, и я застонала, чувствуя, как низ живота наливается жаром.

Он подхватил меня на руки и понёс в соседнюю комнату. Там была кровать, застеленная простым белым бельём, и он бросил меня на неё, навис сверху. Его глаза горели в полумраке, как угли.

— Ты моя, — прорычал он, срывая с меня одежду. — Всегда была моей.

— Твоя, — выдохнула я, помогая ему избавиться от рубашки.

Он был груб, как всегда, но в его грубости сквозила та самая отчаянная нежность, которая когда-то разрывала мне сердце. Он целовал мою шею, покусывал ключицы, сжимал грудь, оставляя синяки. Я стонала, извиваясь под ним, умоляя о большем. Воспоминания о прошлых ночах смешались с реальностью, и я снова была той девушкой, которая глотала его, как сладкий яд, не думая о последствиях.

Он снял с меня остатки белья, раздвинул ноги и вошёл резко, вырвав из моих губ сдавленный вскрик. Я вцепилась ногтями в его спину, чувствуя, как он заполняет меня, как его тело вбивается в моё с той же неистовой силой, что и три года назад. Он приподнялся, глядя мне в глаза, и в его взгляде была не только похоть, но и что-то большее — потребность убедиться, что я настоящая, что я здесь, с ним.

— Смотри на меня, — приказал он, ускоряя темп. — Не отводи глаз.

Я подчинилась. Слезы текли по вискам, но это были слёзы не боли, а освобождения. Я чувствовала, как рушатся стены, возведённые за эти годы, как внутри оживает то, что я считала мёртвым.

Мы кончили одновременно, и я выкрикнула его имя, прижимаясь к нему всем телом, словно боялась, что он снова исчезнет. Он содрогнулся, уткнувшись лицом в мою шею, и несколько секунд мы лежали неподвижно, оглушённые.

Потом он скатился с меня, лёг рядом, и я прижалась к его боку, положив голову на грудь. Его сердце билось так же бешено, как моё. В комнате пахло сексом, табаком и грехом — тот самый запах, который я так долго пыталась забыть.

— Что теперь? — спросила я тихо.

Он помолчал, поглаживая мои волосы.

— Теперь мы вместе, — наконец произнёс он. — Но сначала я должен разобраться с теми, кто на тебя напал.

— А если они убьют нас?

— Не убьют. Я не позволю.

Он говорил уверенно, но я чувствовала, что где-то в глубине его души прячется страх. Не за себя — за меня. Он уже потерял брата из-за нашей связи, и теперь боялся потерять и меня.

— Максим, — я приподнялась, опираясь на локоть. — Я не хочу снова бежать. Я хочу быть с тобой, но не ценой новых смертей.

— Иногда смерть — единственный способ выжить, — он посмотрел на меня с той же холодной решимостью, которую я видела на парковке три года назад. — Но я постараюсь решить всё без крови. Ради тебя.

Я хотела поверить ему, но где-то в глубине души понимала: мир, из которого он не может выбраться, не отпустит нас без боя. И этот бой будет жестоким.

Он снова притянул меня к себе, обнял, и я закрыла глаза, слушая его дыхание. Впервые за три года я почувствовала, что вернулась домой. Даже если этот дом был полон тьмы.

Утром Максим ушёл, оставив меня одну в доме. Он сказал, что ему нужно кое-что проверить и встретиться с надёжными людьми. Я не спрашивала подробностей — знала, что чем меньше знаю, тем безопаснее для нас обоих.

Я приняла душ, надела его рубашку, висевшую на стуле, и вышла на кухню. В холодильнике нашлись яйца, хлеб и кофе. Я приготовила завтрак, стараясь занять себя чем-то, чтобы не думать о том, что он может не вернуться.

Он вернулся через несколько часов. Осунувшийся, с тёмными кругами под глазами, но живой. Я бросилась к нему, обняла, и он прижал меня к себе, вдыхая запах моих волос.

— Я нашёл, кто за тобой охотился, — сказал он, отстраняясь. — Это люди Гордеева. Помнишь, я рассказывал? Мой старый враг.

Я кивнула. Гордеев — имя, которое я слышала ещё три года назад. Криминальный авторитет, с которым у Волковых была давняя война за территории.

— Они уверены, что ты видела передачу товара, — продолжил Максим. — На самом деле это была ловушка. Они хотели, чтобы ты попалась, чтобы использовать тебя как рычаг против меня.

— Но я ничего не видела!

— Им это неважно. Важно то, что ты теперь моя слабость. Они знают, что я приду за тобой.

В его глазах снова мелькнуло то самое выражение — смесь вины и решимости. Он винил себя за то, что втянул меня в это, но готов был бороться.

— Что мы будем делать? — спросила я.

— Уедем. Сегодня же. Я знаю место, где нас не достанут. А потом я решу проблему раз и навсегда.

Он смотрел на меня, ожидая ответа. Я колебалась. Бежать снова? Но в этот раз — с ним. В этот раз — не от любви, а к ней.

— Хорошо, — сказала я. — Я поеду с тобой.

Он кивнул, и в его глазах промелькнуло облегчение. Но я знала, что это только начало. Наш сладкий яд продолжал действовать, и противоядия от него не было.

Глава 7. Цена свободы

Максим стоял у окна, глядя на лес, окутанный утренним туманом. Его спина была напряжена, руки скрещены на груди, и весь его вид говорил о том, что он принимает какое-то тяжёлое решение. Я сидела на краю кровати, всё ещё в его рубашке, и ждала. После вчерашней близости между нами снова повисла неловкая, тягучая тишина, но теперь она была наполнена не страстью, а тревогой.

— Ты сказал, что мы уедем, — напомнила я, первой нарушив молчание. — Но я не понимаю, Максим. Ты — сильный, влиятельный человек. У тебя целая империя, охрана, связи. Почему мы прячемся в каком-то заброшенном доме, как беглецы?

Он медленно повернулся. Его лицо было сосредоточенным, глаза — холодными, но в них читалась не злость, а усталость.

— Потому что сейчас я не могу обеспечить твою безопасность, — сказал он ровно. — Да, у меня есть люди, деньги, ресурсы. Но Гордеев — не просто уличный бандит. Он умный, беспринципный и знает все мои слабые места. После смерти Артёма часть бизнеса перешла к нему, и он давно ищет способ добраться до меня. Если он поймёт, что ты для меня значишь, он не остановится ни перед чем.

— Но почему тогда ты не бросишь против него всю свою силу? Зачем бежать?

— Я не бегу, Руслана, — его голос стал жёстче. — Я отвожу тебя в безопасное место, чтобы развязать себе руки. Я не могу воевать с Гордеевым, когда ты находишься под ударом. Ты моя уязвимость. И он это знает.

Я почувствовала, как внутри всё сжимается. Он был прав. Вчерашнее нападение доказало, что Гордеев уже охотится за мной. Если бы Максим не появился вовремя, меня бы уже не было в живых. Но мысль о том, чтобы оставить его одного в этом аду, казалась невыносимой.

— А как же твой особняк? Твои люди? — я не сдавалась. — Неужели у тебя нет ни одного безопасного места в городе?

— Есть. Но везде, где я появляюсь, появляются и глаза Гордеева. Он пасёт меня кругло-суточно. Я не могу рисковать тобой, поселив тебя в своём доме. Это слишком очевидно.

Максим резко развернулся ко мне, лицо его потемнело от гнева, но в глазах мелькнул отблеск бессилия.

— Ты думаешь, я бы прятал тебя здесь по своей воле?! — прорычал он. В моих руках была империя, Руслана. Сотни объектов недвижимости... Но это было до смерти Артёма.

Он прошёлся по комнате, нервно сжав кулаки. Его голос стал тише, хриплым от сдерживаемой ярости:

— Гордеев понял, что потерял контроль над городом. Он начал методично уничтожать мою империю. Сначала поджоги клубов, потом подставы с наркотиками... половина моего бизнеса уже лежит в руинах. А после того, как Шаров начал копать, прокуратура заморозила все мои банковские счета. Официальные активы перешли к отцу, а те, которые были оформлены на меня лично, оказались заблокированы судом.

Он остановился напротив окна, глядя на лес сквозь щель между шторами.

— Я мог бы вывезти тебя на остров, где нас никто не найдёт, — продолжил он, и в его голосе прозвучало отчаяние. — Если бы не одно «но». У Гордеева повсюду свои люди. В аэропортах, на причалах, в каждом отеле. Они следят за каждым моим шагом через отца. И если я появлюсь там, где раньше был хозяином, они поймут, что я жив. Поймут, что ты со мной. И тогда...

Он замолчал, сжимая челюсти так сильно, что желваки заходили ходуном. Я поняла, чего он не договорил. Тогда они придут за нами обоими.

— Поэтому этот дом, — закончил он, указав рукой вокруг себя. — Это единственное место, которое ещё не засвечено перед ними. Здесь нет камер, нет охраны, которую можно купить. Только Сергей Иванович и его люди. Мы спрячемся в тени, потому что другого выхода нет.

Он подошёл ко мне, присел на корточки и взял мои руки в свои. Его ладони были тёплыми и грубыми, но прикосновение было бережным.

— Послушай меня, Руслана. Я знаю, что ты устала бежать. Я тоже устал. Но сейчас единственный способ защитить тебя — это увезти подальше, пока я не решу проблему. Это не навсегда. Я обещаю, что вернусь за тобой, когда всё закончится.

— А если не вернёшься? — прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Вернусь, — он сжал мои пальцы. — Я всегда возвращался.

Я хотела верить, но в его глазах я видела ту же тьму, что и три года назад, когда он говорил, что не сможет измениться. Он жил в мире, где обещания часто превращались в пепел.

— И куда ты меня отвезёшь? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— К моему человеку. Он живёт в тихом месте, в трёхстах километрах отсюда. Там тебя никто не найдёт. Я дам тебе охрану, деньги, всё, что нужно. Ты будешь в безопасности.

— А ты?

— А я останусь и закончу то, что начал.

Я молчала, переваривая услышанное. В глубине души я понимала, что он прав. Моя эмоциональность могла стоить нам обоим жизни. Но где-то внутри рос протест: я не хотела снова расставаться, не хотела сидеть в неведении, пока он рискует собой.

— Я не уеду, — твёрдо сказала я, поднимая на него взгляд. — Я останусь с тобой. Я не для того вернулась, чтобы снова бежать.

Его лицо ожесточилось.

— Это не обсуждается, Руся.

— Нет, обсуждается. Я не твоя собственность, Максим. Я имею право решать.

Он резко встал, провёл ладонью по лицу. Я видела, как в нём борются гнев и отчаяние.

— Ты не понимаешь! — он почти крикнул, но тут же сбавил тон. — Если ты останешься, тебя убьют. Или ещё хуже — сделают с тобой то, что сломает тебя навсегда. Я не могу этого допустить. Не после всего, что было.

— А если ты погибнешь, пока меня не будет? — я тоже встала, подошла к нему вплотную. — Ты думаешь, я смогу жить с этим? Снова?

Он смотрел на меня, и в его глазах мелькнула боль. Он понимал, что я права, но его гордость и чувство ответственности не позволяли ему уступить.

— Давай так, — сказала я мягче, кладя ладонь ему на грудь. — Я уеду, но с условием: ты будешь держать меня в курсе. Я не хочу сидеть в неведении, как тогда. Договорились?

Он долго молчал, глядя на меня. Потом его лицо смягчилось, и он кивнул.

— Хорошо. Но ты должна слушаться моих людей. Никаких самовольных выходов, никаких звонков посторонним.

— Обещаю.

Он притянул меня к себе, обнял, и я уткнулась лицом в его грудь, вдыхая его запах. Впервые за долгое время я почувствовала не только страх, но и надежду. Может быть, у нас всё-таки есть шанс.

Через час мы уже ехали в его внедорожнике по трассе, уходящей на север. Максим вёл машину молча, сосредоточенно, иногда поглядывая в зеркало заднего вида. Я сидела рядом, положив руку ему на колено, и смотрела на пролетающий за окном пейзаж. Мысли путались, но я старалась не думать о плохом.

— Ты так и не рассказал, откуда у меня пентхаус, — вдруг вспомнила я, прерывая тишину. — Когда я вернулась, я сняла его на неделю, но риелтор сказал, что квартира давно оформлена на меня. Я ничего не понимаю.

Максим усмехнулся, не отрывая взгляда от дороги.

— Это подарок Артёма, — сказал он. — Он купил его незадолго до смерти. Хотел сделать сюрприз на свадьбу. Оформил всё на твоё имя, но не успел сказать.

Я замерла. Внутри всё перевернулось. Артём купил мне квартиру? Неужели он был так уверен в нашем будущем, что готов был на такие жесты?

— Почему я узнала об этом только сейчас? — прошептала я.

— Потому что после его смерти все документы попали ко мне, — Максим вздохнул. — Я не стал тебе говорить. Решил, что так будет лучше.

— Лучше? — я горько усмехнулась. — Ты решил, что я не заслуживаю знать?

— Я решил, что ты не должна быть ничем обязана ему, — он бросил на меня быстрый взгляд. — Я не хотел, чтобы ты жила в квартире, напоминающей о нём. Но раз ты вернулась в неё сама... видимо, судьба.

Я молчала. В горле стоял ком. Артём, даже мёртвый, заботился обо мне. А я... я разрушила его жизнь.

— Он был хорошим человеком, — тихо сказала я.

— Да, — согласился Максим. — Лучше, чем я.

Мы замолчали. Каждый думал о своём, но в этих мыслях было много общего: вина, сожаление, и странная, горькая благодарность за то, что у нас всё ещё есть шанс.

Дом человека Максима оказался небольшим коттеджем, спрятанным в глубине посёлка, затерянного среди густых сосен и берёз. Дорога к нему петляла между заброшенными участками и редкими строениями, и я почувствовала, как с каждым поворотом мы всё дальше от цивилизации, от шума города, от привычной жизни. Место было настолько тихим, что звон в ушах казался оглушительным.

Мы вышли из машины. Воздух здесь был другим — влажным, пропитанным запахом хвои, сырой земли и прелых листьев. Я вдохнула полной грудью, стараясь унять внутреннюю дрожь, но спокойнее не стало. Слишком много всего произошло за последние сутки.

Нас встретил седой мужчина с пронизательным взглядом — Сергей Иванович, бывший военный, которому Максим доверял как себе. Он был одет в простой свитер и камуфляжные штаны, стоял на крыльце, сложив руки на груди, и смотрел на нас с тем особым спокойствием, какое бывает у людей, прошедших через многое. Его лицо, изрезанное морщинами, не выражало ни удивления, ни любопытства — только готовность выполнить задачу.

— Размещайтесь, — коротко сказал он, проводив нас внутрь. Голос у него был глуховатый, с хрипотцой. — Тут тихо, соседей почти нет. Охрана по периметру. В доме есть всё необходимое.

Он пропустил нас вперёд и закрыл дверь. Внутри было очень уютно: деревянные стены, плетёные коврики, старая мебель, пахнувшая воском и табаком. На окнах плотные шторы, не пропускающие свет. В углу гостиной — камин, у стены — диван, накрытый пледом, на кухне — большой дубовый стол.

Пока я осматривалась, Максим обошёл дом. Он проверял окна, двери, замки, заглянул в каждую комнату, спустился в подвал, поднялся на чердак. В его движениях была отработанная чёткость человека, который привык контролировать каждую деталь. Я стояла на крыльце, кутаясь в кофту, и наблюдала за ним сквозь приоткрытую дверь. Он выглядел собранным, решительным, но я видела, как напряжены его плечи, как он сжимает челюсть, когда думает, что на него не смотрят.

Потом он вышел к охранникам, расположившимся в небольшой пристройке. Их было трое — крепкие, молчаливые, одетые в тёмное. Максим говорил с ними недолго, но веско; они слушали внимательно, кивали, не задавая лишних вопросов. Я заметила, как один из них бросил на меня быстрый оценивающий взгляд, и по спине пробежал холодок. Я чувствовала себя подопечной, за которой приставлен конвой.

Когда Максим вернулся ко мне, в его глазах уже не было той открытости, которая появилась утром. Они снова стали холодными, сосредоточенными, как у человека, готовящегося к бою.

— Мне пора, — сказал он, подходя вплотную. Ветер слегка растрепал его тёмные волосы, и он убрал прядь с моего лица. — Сергей Иванович позаботится о тебе. Я оставил тебе телефон для экстренной связи. Пользуйся только в крайнем случае.

— Ты вернёшься? — спросила я, вглядываясь в его лицо, стараясь запомнить каждую черту: резкую линию скул, лёгкую щетину, тень под глазами.

— Вернусь, — он притянул меня к себе и поцеловал в лоб. Его губы были сухими, но поцелуй — нежным, почти благоговейным. — Жди меня.

— Я буду ждать, — прошептала я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Я сдерживалась из последних сил, чтобы не вцепиться в него, не умолять остаться.

Он на мгновение задержал взгляд на моём лице, будто тоже запоминал, потом резко развернулся, сел в машину, завёл двигатель и, бросив на меня последний долгий взгляд через открытое окно, выехал за ворота. Я стояла на крыльце, пока звук мотора не растворился в тишине. Потом развернулась и вошла в дом.

Началось ожидание.

Сергей Иванович оказался немногословным, но заботливым. Он показал мне мою комнату — небольшую, с узкой кроватью, деревянным комодом и лампой с тёплым абажуром. На кровати лежало чистое постельное бельё, на комод — стопка полотенец и флакон с гелем для душа.

— Располагайтесь, — повторил он, стоя в дверях. — Еда в холодильнике, чай, кофе. Если что-то понадобится, то я в комнате напротив.

— Спасибо, — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла жалкой.

Прежде чем закрыть дверь, он обернулся. В полумраке коридора его лицо, обычно непроницаемое, показалось мне старым и бесконечно уставшим.

— Не пытайтесь заговаривать со мной о прошлом, Руслана, — сказал он тихо, без угрозы, просто констатируя факт. — И не благодарите за верность. Мой сын погиб пять лет назад. Его подставили партнеры по бизнесу, когда он попытался играть во взрослые игры. Если бы ваш муж... если бы Максим тогда не вытащил меня из петли и не дал цель, я бы пустил пулю себе в рот в тот же день. Вы здесь не потому, что вы жена босса. Вы здесь потому, что мой мальчик тоже любил женщину, которую не смог защитить. Я охраняю вас вместо него.

Дверь закрылась. Его слова повисли в тишине дома тяжелее любого замка. Теперь я знала: этот седой человек сидит здесь не из-за денег. Он ждет искупления через спасение чужой семьи.

Я села на кровать, обхватила себя руками и долго смотрела в одну точку, прислушиваясь к тишине. В доме было так тихо, что я слышала, как тикают часы где-то внизу, как ветер шуршит листвой за окном, как скрипят половицы под чьими-то далёкими шагами.

Я достала телефон, который оставил Максим. Простой, без лишних функций, с одним сохранённым номером. Я сжала его в ладони, как талисман, и прижала к груди. Господи, только бы он вернулся. Только бы всё закончилось.

Через час я спустилась вниз. Сергей Иванович сидел на кухне, пил чай и читал старую газету. Увидев меня, он отложил газету и поднялся.

— Проголодались? — спросил он.

— Немного.

Он налил мне чаю, достал из шкафчика печенье, сыр, хлеб. Я села за стол, отщипнула кусочек, но есть не хотелось. Всё внутри было сжато, как пружина.

— Вы хорошо знаете Максима? — спросила я, чтобы нарушить тишину.

— Достаточно, — ответил он, не вдаваясь в подробности. — Он спас мне жизнь однажды. Я перед ним в долгу.

— Вы военный?

— Бывший. Теперь вот... помогаю, чем могу.

Он не был настроен на разговоры, но его присутствие странным образом успокаивало. От него исходила уверенная, спокойная сила, которая не давала мне окончательно расклеиться.

Вдруг телефон завибрировал.

— Руслан Кобзева? Майор Шаров, уголовный розыск.

Я вжалась в стену. Как он нашел? Мы в глуши, за триста километров!

— Знаю, вы напуганы, — голос из динамика звучал без нажима, почти сочувственно. — Но вы главный свидетель по делу о массовой резне в ночном клубе. Выходить из леса вам нельзя, здесь небезопасно. Поэтому сидите тихо. Если решите сбежать или позвоните ему — я оформлю вас как соучастницу завтра же. Вопросы есть?

Гудки. Тишина давила теперь иначе — она пахла ловушкой. Шаров знал всё. И он держал меня на крючке надежнее, чем люди Гордеева.

Ночь прошла беспокойно. Я ворочалась в кровати, просыпалась от каждого шороха, вглядывалась в темноту за окном. Мне снился Максим — он шёл по тёмному коридору, а позади него поднимался огонь. Я просыпалась в холодном поту, с колотящимся сердцем, и долго лежала, прислушиваясь к ночным звукам.

Утром я вышла на крыльцо. Лес стоял в тумане, и воздух был свежим, почти ледяным. Я обняла себя за плечи и вдохнула глубже, пытаюсь найти хоть каплю покоя. Но покоя не было. Было только ожидание — тягучее, изматывающее, похожее на медленную пытку.

Я не знала, сколько ещё продлится это состояние. Но я знала, что выдержу. Потому что он обещал вернуться. А я пообещала ждать.

Прошло два дня. Два бесконечных, вязких дня, которые тянулись, как резина, растянутая до предела. Я пыталась занять себя хоть чем-нибудь, чтобы не сойти с ума от неизвестности. Перебирала книги на пыльной полке — старые детективы, потрёпанные сборники рассказов, справочник по охоте. Читала, но строки расплывались перед глазами, а мысли возвращались к одному и тому же: где он? что с ним? жив ли?

Я помогала Сергею Ивановичу готовить нехитрую еду: чистила картошку, резала овощи, помешивала суп в кастрюле. Он не задавал лишних вопросов, не лез в душу, и за это я была ему благодарна. Иногда мы обменивались короткими фразами о погоде, о лесе, о том, что скоро похолодает. Но даже в этих разговорах я чувствовала недосказанность. Он знал, что происходит, но не говорил, а я не спрашивала. Так было легче.

Гуляла по территории — небольшой двор, огороженный старым деревянным забором, за которым начинался густой ельник. Выходить за пределы не разрешалось, и я не рвалась. Просто ходила кругами, вдыхала прохладный воздух, смотрела, как ветер раскачивает верхушки сосен. В такие моменты одиночество ощущалось особенно остро. Казалось, весь мир сузился до этого клочка земли, до тишины и ожидания.

Я смотрела на телефон, который оставил Максим. Простой, чёрный, без излишеств. Единственное, что связывало меня с ним. Я носила его повсюду: в кармане, в руке, под подушкой ночью. Боялась пропустить звонок. И одновременно молилась, чтобы он не зазвонил с плохими новостями. Этот страх был неотступен, он пульсировал в висках, мешал дышать.

Ночами я почти не спала. Лежала в темноте, прислушиваясь к каждому шороху за окном, к скрипу половиц внизу, к далёкому лаю собак. Перед глазами прокручивались картины: Максим в горящем клубе, Максим с оружием, Максим, лежащий на земле. Я гнала эти видения, но они возвращались, как навязчивый кошмар. Просыпалась в холодном поту, сжимая телефон в кулаке, и проверяла, не пропустила ли вызов. Нет, пусто.

На третий день, когда я сидела на диване, бездумно листая старый журнал с пожелтевшими страницами, раздался звонок. Я вздрогнула так, что журнал выпал из рук. Телефон завибрировал в ладони, и я уставилась на экран, где высветился неизвестный номер. Сердце заколотилось где-то в горле. Несколько секунд я не могла пошевелиться, потом судорожно нажала кнопку ответа.

— Алло? — мой голос прозвучал хрипло и дрожаще, как у человека, которого вытащили из глубокого сна.

— Руслана, — услышала я голос Максима. Он звучал уставшим, с лёгкой хрипотцой, но живым. И в этот момент я почувствовала, как невидимая петля, сжимавшая горло все эти дни, наконец ослабла.

— Слава богу, — выдохнула я, чувствуя, как слёзы облегчения мгновенно наворачиваются на глаза и катятся по щекам. Я не сдерживала их. — Ты жив. Ты жив...

— Да, жив, — он усмехнулся, но в голосе не было веселья, только усталость и что-то ещё, похожее на горечь. — Пока жив.

— Когда ты приедешь? — я прижала телефон к уху обеими руками, будто боялась, что связь оборвётся.

— Пока не знаю. Гордеев нанёс удар по одному из моих клубов. Есть раненые. Но я держу ситуацию.

У меня внутри всё сжалось. Раненые. Его люди пострадали. А он сам? Я боялась спросить, но не спросить не могла.

— Ты ранен? — вырвалось у меня.

— Нет, я в порядке, — он говорил коротко, рублено, как человек, который экономит силы. — Но всё серьёзно. Этот ублюдок хочет войны.

— Максим, пожалуйста, будь осторожен, — прошептала я, чувствуя, как слёзы снова подступают. — Я не переживу, если с тобой что-то случится.

— Я всегда осторожен, — он снова усмехнулся, но теперь в его голосе я уловила тепло, адресованное только мне. — Как ты?

— Я в порядке. Скучаю.

— Я тоже скучаю, — его голос стал мягче, и я услышала, как он выдохнул. — Держись, Руслана. Я скоро.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он сбросил вызов. Я сидела, прижимая телефон к груди, и не могла сдержать слёз. Они текли по щекам, капали на колени, но это были слёзы не отчаяния, а облегчения. Он был жив. Это всё, что имело значение.

Я закрыла глаза и попыталась представить его лицо: резкие черты, тёмные глаза, лёгкая щетина. Где он сейчас? В какой обстановке? Чем занимается? Я знала, что он в эпицентре опасности, что каждая минута может стать последней. Но он обещал вернуться. И я цеплялась за это обещание, как за спасательный круг.

В комнату вошёл Сергей Иванович. Он остановился в дверях, увидел моё заплаканное лицо, но ничего не сказал. Только кивнул, будто понимал всё без слов, и вышел. Я осталась одна, прижимая к груди телефон, который ещё хранил тепло его голоса. Теперь у меня снова была надежда.

А вместе с ней — и страх, что следующего звонка может не быть.

Глава 8. Ловушка

Следующие два дня прошли в том же изматывающем ожидании, но теперь к нему при­мешивалась надежда. Он жив. Он держит ситуацию. Он вернётся. Я повторяла эти слова, как мантру, когда становилось совсем невыносимо.

Сергей Иванович стал немного разговорчивее. Вечерами мы сидели на кухне, пили чай с сушками, и он рассказывал о своей службе — без лишних деталей, но достаточно, чтобы я понимала: этот человек прошёл через ад и не сломался. Я слушала его, задавала вопросы, и это помогало отвлечься. Но стоило мне остаться одной, как мысли снова возвращались к Максиму.

На пятый день моего заточения произошло то, чего я боялась больше всего.

Я проснулась среди ночи от странного звука. Сначала мне показалось, что это ветер, но потом я услышала его снова — тихий, осторожный скрип, будто кто-то крался по двору. Я села в кровати, прислушиваясь. Сердце забилося где-то в горле. В доме было темно, только лунный свет просачивался сквозь неплотно задёрнутые шторы.

Скрип повторился. Теперь ближе. Я сжала телефон, который лежал под подушкой, и замерла. В голове пронеслось: «Гордеев. Они нашли нас».

В коридоре послышались шаги. Тяжёлые, уверенные. Я хотела закричать, но голос про­пал. Шаги приближались к моей двери. Ручка медленно повернулась.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла тёмная фигура. Я отшатнулась к стене, вце­пившись в одеяло. Но в следующую секунду фигура шагнула в полосу лунного света, и я уви­дела его лицо.

Максим.

— Тише, — прошептал он, прикладывая палец к губам. — Не шуми.

Я не могла верить глазам. Он стоял передо мной — живой, реальный, но какой-то чужой. В чёрной одежде, с всклокоченными волосами, с напряжённым лицом и глазами, горя­щими лихорадочным огнём. Он был не один: за его спиной маячили двое охранников.

— Что случилось? — выдохнула я, спуская ноги с кровати.

— Позже. Сейчас нужно уходить.

Он схватил меня за руку, помог подняться. Я была в одной ночной рубашке, но он не дал мне времени одеться — накинул на плечи свою куртку, пахнущую табаком и ночной сыростью, и повёл за собой.

— Они здесь? — прошептала я, спускаясь по лестнице.

— Пока нет. Но будут.

В гостиной уже находился Сергей Иванович с оружием в руках. Он коротко кивнул Мак­симу и вышел на крыльцо, жестом приказав нам следовать за ним. Возле дома стояли две машины с погашенными фарами. Охранники рассредоточились по периметру.

— В машину, — скомандовал Максим, подталкивая меня к ближайшему внедорожнику. Я села на заднее сиденье, и он сел рядом, прижав меня к себе. Водитель завёл двигатель, и машина мягко тронулась, выезжая через задние ворота, которые открыл один из охранников.

Мы ехали в полной темноте, без света фар, по какой-то просёлочной дороге. Я дрожала, но не от холода — от страха. Максим обнимал меня одной рукой, и я чувствовала, как бьётся его сердце — быстро, но ровно.

— Как ты узнал? — спросила я, когда дом остался позади.

— Слишком тихо было вокруг, — ответил он, не глядя на меня. — Люди Гордеева выдвигались в сторону посёлка ещё вчера. Я надеялся, что они идут по ложному следу, но... — он осёкся. — Нельзя было рисковать.

— Ты приехал за мной.

— Я должен был приехать за тобой.

Я прижалась к нему сильнее, вдыхая его запах. Он был здесь. Он не оставил меня.

— Куда мы едем?

— В другое место. Более надёжное.

Машина мчалась по тёмным дорогам, петляя между лесополосами и заброшенными деревьями. Я смотрела в окно, но видела только черноту. Максим молчал, но его рука лежала на моём колене, и это прикосновение было единственным, что удерживало меня от паники.

Через несколько часов мы остановились у небольшого мотеля на окраине какого-то городка. Максим вывел меня из машины, огляделся и повёл к дальнему входу. Комната оказалась маленькой, с двумя кроватями, старым телевизором и плотными шторами. Пахло моющим средством и дешёвым освежителем.

— Останешься здесь, — сказал он, закрывая дверь на замок. — Я выставил людей снаружи.

— А ты?

— Я тоже останусь. До утра.

Я кивнула, но вместо того чтобы сесть, подошла к окну, отодвинув край плотной шторы буквально на миллиметр.

— Макс, их двое, — сказала я вполголоса, не поворачиваясь к Максиму. — Вон, припарковались под разбитым фонарем через дорогу, когда мы только заезжали на территорию. Номера замазаны грязью. Посмотри, водитель курит, прячет сигарету в кулак по старой привычке ментов или бандитов девяностых. Второй спит.

Максим замер, держа куртку в руках. Он медленно подошел ко мне, бесшумно ступая по дешевому ковролину. Его взгляд метнулся к щели в шторе, затем обратно к моему лицу. В глазах промелькнуло удивление, быстро сменившееся тяжелым одобрением.

— Откуда?..

— Третья посадка в ресторане всегда самая выгодная, — горько усмехнулась я, опускаясь на подоконник. — Пока несешь горячее с кухни через весь зал, нужно запомнить лица всех гостей, оценить их настроение и понять, кто сейчас начнет буянить, а кого лучше обойти стороной. Если бы я не умела замечать детали, меня бы давно выкинули с этой работы без выходного пособия. Или хуже. Эти двое не похожи на дальнбойщиков. У них расслабленные плечи, Макс. Они ждут сигнала, а не просто отдыхают.

Он несколько секунд смотрел на меня так, словно видел впервые. Затем его лицо снова превратилось в жесткую маску.

— Умница. От окна отошла. Сюда они не сунутся — Сергей Иванович перекрыл пожарный выход своими людьми.

Я села на кровать, обхватив себя руками. Меня всё ещё трясло. Максим подошёл, сел рядом, взял мои ледяные ладони в свои и принялся растирать их.

— Всё хорошо, — тихо сказал он. — Ты в безопасности.

— Надолго ли? — я подняла на него заплаканные глаза. — Они нашли нас, Максим. Они всегда будут находить.

— Нет, — он покачал головой. — Я больше не дам им такой возможности. Завтра всё решится.

Я не стала спрашивать, что он задумал. В его голосе было столько решимости, что мне стало страшно не за себя — за него.

Он уложил меня на кровать, сам лёг рядом, не раздеваясь. Я прижалась к нему, уткнувшись лицом в его грудь. Его рука гладила мои волосы, успокаивая. Так мы пролежали до рассвета, не смыкая глаз, слушая дыхание друг друга.

Утром Максим поднялся первым. Он достал из сумки чистую одежду для меня — джинсы, свитер, куртку — и положил на стул.

— Одевайся, — сказал он. — Скоро за нами приедут.

— Куда мы поедем?

— В город. К моему адвокату.

Я нахмурилась.

— Зачем?

— Нужно кое-что уладить, — он отвечал коротко, явно не желая вдаваться в подробности. — Доверься мне.

Через час мы выехали. Максим вёл машину сам, сосредоточенно глядя на дорогу. Я сидела рядом, пытаюсь собраться с мыслями. Мы возвращались в город, который я покинула в страхе. В город, где нас ждали враги. Но рядом с Максимом я чувствовала себя защищённой.

Мы остановились у высокого офисного здания в центре. Максим провёл меня через подземную парковку, вызвал лифт и нажал кнопку последнего этажа. Через несколько минут мы уже сидели в просторном кабинете с панорамным видом на город. За столом нас встретил сухощавый мужчина в очках — адвокат Максима, Владимир Сергеевич.

— Документы готовы, — сказал он, пододвигая к Максиму папку. — Осталось подписать. Там еще флешка, — добавил Владимир Сергеевич, подвигая черный прямоугольник. — Копия материалов, которые мы передали майору Шарову через наших людей в СК. Взамен на закрытие дела о превышении самообороны при смерти тех двоих на парковке. Сделка оформлена, протоколы подписаны прокурором города. Шаров получил повышение и ушел в главк, дело Волкова списано в архив. Он больше не придет. Ни к тебе, ни к ней.

Максим медленно выдохнул. Воздух вышел из легких со свистом, словно проткнули пробитую шину. Давление, которое он чувствовал на затылке последние полгода, исчезло. Один враг уничтожен физически, второй — нейтрализован юридически. Дорога к морю стала чистой.

— Подожди, — Владимир Сергеевич снял очки и устало потер переносицу. Его руки слегка дрожали. — Прежде чем мы начнем сжигать мосты, я должен быть уверен. У Гордеева длинные руки. Моя дочь учится в Лондоне, жена завтракает в одной и той же кофейне каждое утро. Мне плевать на твои миллионы, Макс, я заберу только то, что ты обещал заплатить за сопровождение. Но если твоя война выплеснется на мою семью...

Максим поднял на него взгляд. Глаза Волкова были пусты и холодны, как зимнее море.

— Поэтому я привез тебе это, — Максим достал из портфеля вторую, тонкую папку темно-синего цвета и положил её поверх готовых документов. — Билеты на вечерний рейс до Цюриха для твоей семьи. Дом в кантоне Берн уже оформлен на траст. Наличные, документы легализации. Они улетят через час после нашего разговора. Водитель внизу отвезет их прямо в Шереметьево. Как только Гордеев подпишет бумаги об отступных, они вернутся. До этого момента — ни звонка, ни сообщения. Ты понял?

Адвокат сглотнул, глядя на синюю папку так, словно там лежала индульгенция. Страх никуда не делся, но теперь у него был щит. Он медленно кивнул, снова надев очки.

— Да. Понял.

Максим кивнул, взял ручку и, не глядя, поставил несколько подписей. Потом повернулся ко мне.

— Теперь ты, — он протянул мне документы.

Я взглянула на бумаги. Это был договор дарения. Той самой квартиры, пентхауса, который Артём купил для меня, но который до сих пор числился за Максимом.

— Зачем это? — растерянно спросила я.

— Ты должна быть независимой, — ответил он. — Что бы ни случилось, у тебя будет свой дом.

— Максим...

— Подписывай, Руслана. Это подарок. Не обсуждается.

Я колебалась, но его взгляд был непреклонен. Я взяла ручку и поставила подпись. Адвокат собрал бумаги, заверил их и удалился.

Мы остались одни. Максим подошёл к окну, засунул руки в карманы брюк. Я видела, как напряжена его спина, как он сжимает челюсть, словно пережёвывая что-то тяжёлое. В воздухе между нами висело недосказанное, и я боялась его озвучить.

— Что происходит? — тихо спросила я, подходя ближе, но не решаясь коснуться.

Он долго молчал, глядя на раскинувшийся внизу город. Серое небо, серые крыши, серые люди. Мир, который он знал слишком хорошо. Мир, который не отпускал своих.

— Ты думаешь, я могу просто уйти? — наконец произнёс он, не оборачиваясь. В его голосе была не злость, а усталая горечь. — Из этого бизнеса не уходят, Руслана. Из него выносят вперёд ногами. Или уезжают в багажнике.

Я вздрогнула. Он повернулся, и я увидела в его глазах то, что он так долго прятал за маской льда, — отчаяние человека, загнанного в угол.

— Я устал, — признался он, и это прозвучало как исповедь. — От крови, от страха, от бесконечной войны. Но если я сейчас всё брошу, Гордеев не остановится. Он найдёт нас где угодно. Он не прощает, как и я когда-то.

— Тогда что? — я шагнула к нему, положила ладонь на его грудь, чувствуя, как бьётся сердце — часто, сбивчиво. — Мы обречены вечно бегать?

— Нет, — он накрыл мою ладонь своей, сжал её. — Я не дам тебе такой жизни. Но мне нужно время. Я должен разобраться с Гордеевым раз и навсегда. Это единственный способ выйти.

— А если не получится?

— Получится, — в его голосе снова появилась та стальная решимость, которую я помнила. — Я не для того выжил в этом аду, чтобы потерять тебя снова.

Он притянул меня к себе, и я уткнулась лицом в его грудь. От него пахло кожей, табаком и опасностью. Но впервые за долгое время я чувствовала не страх, а странное, почти болезненное спокойствие. Мы были в этой ловушке вместе.

— Ты знаешь, — прошептала я, не поднимая головы, — в той песне были слова: «Он не успел стать моим первым». Тогда я думала, что это про нас. Про то, что нам не суждено.

— А теперь? — он погладил меня по волосам.

— Теперь я хочу, чтобы мы стали одним целым. Несмотря ни на что. Даже если для этого придётся пройти через ад.

Он помолчал, потом взял моё лицо в ладони и заставил посмотреть ему в глаза.

— Мы уже в аду, Руслана. Но я вытащу нас отсюда. Обещаю.

Он поцеловал меня — сначала нежно, почти благоговейно, как будто боялся спугнуть. Но я ответила с той же жадностью, с той же тоской, которая копилась годами. Его руки скользнули под мою рубашку, задрали её вверх, и я выдохнула, когда его ладони легли на обнажённую кожу. Поцелуй стал глубже, требовательнее, и я почувствовала, как его возбуждение упирается в мой живот.

— Ты сводишь меня с ума, — прошептал он, отрываясь от моих губ и прижимаясь лбом к моему. — Даже сейчас, когда вокруг война, я не могу думать ни о чём, кроме тебя.

— Тогда не думай, — я сама потянулась к его ремню, расстёгивая дрожащими пальцами. — Просто будь со мной.

Он подхватил меня на руки и посадил на подоконник. За окном шумел город, но я его не слышала. Существовал только Максим — его руки, его губы, его дыхание. Он снял с меня рубашку, осыпал поцелуями шею, плечи, грудь. Я стонала, запуская пальцы в его волосы, прижимая его ближе. Мы занимались любовью прямо там, на фоне серых небоскрёбов, и это было отчаянно, яростно, как будто в последний раз.

После он прикурил сигарету и выпустил дым в потолок. Я смотрела на него, на его напряжённое лицо, на шрамы, которых я раньше не замечала, и понимала: этот мужчина никогда не будет простым. Но именно таким я его любила.

— Завтра я встречаюсь с Гордеевым, — сказал он, не глядя на меня. — Попробую договориться.

— А если не выйдет?

— Тогда будет война. Но ты не вмешивайся. Я не хочу, чтобы ты пострадала.

Я приподнялась на локте, заглянула ему в лицо.

— Ты обещал, что мы будем вместе. Что бы ни случилось.

— Обещал. И сдержу слово.

Он повернулся ко мне, и в его глазах я увидела не только тьму, но и ту самую нежность, которую он так редко позволял себе показывать. Я прижалась к нему, чувствуя, как его сердце бьётся под моей щекой. Мы ещё не стали одним целым, но были ближе к этому, чем когда-либо.

Где-то внутри я знала: завтра всё может закончиться. Но сейчас, в его объятиях, я впервые за долгие годы чувствовала себя живой.

И всё, что было между нами, — все слёзы, вся боль, весь грех — превращалось не в пепел, а в песню. Песню, которую мы вместе допоём.

Глава 9. Игра втёмную

Я проснулась на широкой кровати в незнакомой комнате. Сквозь плотные шторы пробивался тусклый утренний свет, очерчивая контуры мебели. Рядом никого не было, но подушка ещё хранила запах Максима. Я провела по ней ладонью, и внутри всё сжалось от тревоги. Где он? Что происходит?

Вчерашний день пролетел как в тумане: адвокат, подписание бумаг, наша близость в кабинете, а потом он привёз меня сюда — в охраняемые апартаменты в одном из своих жилых комплексов. Уходя, он сказал, что должен подготовиться ко встрече с Гордеевым, и просил не выходить и не звонить никому, кроме него. Я видела, как он напряжён, как глубоко ушёл в свои мысли, и понимала: он что-то задумал.

Я накинула халат, висевший на спинке стула, и вышла в гостиную. На столе стоял поднос с завтраком и записка: «Ешь. Я вернусь к вечеру. Не открывай дверь. М.» Я усмехнулась: даже в такой момент он оставался командиром. Но улыбка быстро погасла. Вечером он пойдёт на встречу с человеком, который хочет нас убить.

Я не могла просто сидеть и ждать. Подошла к окну, выглянула. Внизу — закрытый двор, охрана у ворот, камеры. Значит, он позаботился о моей безопасности. Но что будет с ним?

В моей сумочке, которую он предусмотрительно захватил из коттеджа, лежал телефон, что он дал мне раньше. Я включила его, посмотрела на пустой экран. Потом набрала его номер, но сбросила прежде, чем пошли гудки. Нельзя его отвлекать. Он сказал, что свяжется сам. Остаётся только верить.

День тянулся бесконечно. Я пыталась смотреть телевизор, листала журналы, но мысли были далеко. Вспоминала его слова: «Из этого бизнеса не уходят. Из него выносят вперёд ногами». И всё же он собрался на переговоры. Что он задумал? Какой козырь у него в рукаве?

Ближе к вечеру я услышала, как открывается входная дверь. Максим вошёл — в чёрном костюме, белой рубашке без галстука, с сосредоточенным лицом. Он был собран, как перед боем, но в его глазах я заметила не страх, а холодный расчёт. Я бросилась к нему, обняла, прижалась.

— Ну что? — спросила, заглядывая ему в лицо.

— Встреча через час, — он погладил меня по спине. — Я пришёл попрощаться.

— Прощаться? — у меня ёкнуло сердце.

— На случай, если всё пойдёт не так, — он слегка усмехнулся, но взгляд был серьёзным. — Но я не собираюсь умирать, Руслана. Я слишком долго ждал этого момента, чтобы всё испортить.

Он снял пиджак, бросил на стул, подошёл к бару, налил себе виски. Я смотрела на него, пытаясь понять, что творится у него внутри. Он не был напуган. Он был собран, как стратег, просчитывающий ходы на несколько шагов вперёд.

— Расскажи мне, — попросила я. — Что ты задумал?

Максим сделал глоток виски, поставил бокал на стол с глухим стуком, отчего янтарная жидкость качнулась, но не пролилась. Он повернулся ко мне, и в полумраке гостиной его глаза блестели, как лезвия ножей. В них не было ни тени сомнения — только расчёт, холодный и безжалостный, как у хищника перед прыжком.

— Гордеев думает, что я приеду просить мира, — начал он, и в голосе прозвучала лёгкая, едва уловимая насмешка. — Он уверен, что я ослаб после трагедии в нашей семье. Убеждён, что я готов пойти на любые уступки, лишь бы спасти тебя. Это его главная ошибка.

— А на самом деле? — я села на диван, подобрав под себя ноги, и закуталась в плед, словно это могло защитить от той тьмы, что наполняла его слова.

— А на самом деле я подготовил ему ловушку, — он опёрся о подоконник, сложив руки на груди, и посмотрел на меня с той особой улыбкой, которая появлялась у него, когда он просчитывал партию далеко вперёд. — За последние три года я не только вёл бизнес. Я собирал информацию. Тихо, методично, по крупицам. У меня есть компромат на Гордеева — то, что связывает его с заказными убийствами, с откатами в правительстве, с контрабандой оружия. Я знаю о нём больше, чем он сам о себе помнит. И сегодня я не просить его буду. Я поставлю ему условия.

— Но зачем тогда встреча? — я нахмурилась, не понимая. — Разве нельзя передать это через адвоката или через людей?

Он покачал головой, оттолкнувшись от подоконника, и сделал несколько шагов ко мне.

— В нашем мире личная встреча — это демонстрация силы, — Максим усмехнулся, но усмешка вышла жёсткой, как удар. — Я хочу, чтобы он понял: я не бегу, я не слаб, и я знаю его секреты. Я хочу увидеть его глаза, когда он осознает, что его империя рушится. Я хочу, чтобы он знал: если он тронет тебя, я уничтожу не только его бизнес, но и всю его семью. Всех, кто ему дорог.

В его голосе была сталь. Я поёжилась, но в то же время почувствовала странное облегчение. Он не был безрассуден. У него был план. Чёткий, продуманный, выверенный до мелочей. Он не собирался рисковать нами.

— А если Гордеев всё равно попытается напасть? — спросила я, хотя ответ уже знала. — Что тогда?

Он подошёл совсем близко, присел на корточки перед диваном и взял мои ледяные ладони в свои. Его прикосновение было тёплым, но в нём ощущалась сила, которую он сдерживал.

— На этот случай у меня есть люди. Надёжные, проверенные. Они ждут сигнала. Кроме того, я договорился с двумя другими кланами — они не вмешаются, но и не помогут Гордееву. Он окажется в изоляции. Понимаешь? — он заглянул мне в глаза, и я увидела в них не только жестокость, но и интеллект стратега. — Я лишу его союзников, перекрою связи, обрублю хвосты. Ему придётся выбирать: либо отступить, либо потерять всё. А он не дурак. Он выберет первое.

Я сжала его ладони, стараясь передать ему свою веру. Передо мной был не просто жестокий убийца. Не просто бандит с оружием. Это был умный, расчётливый управленец, который годами выстраивал империю, знал её слабые места и умел использовать силу не только кулаков, но и разума. И сегодня он готов был поставить на карту всё ради меня — ради нас.

— Ты должна верить мне, Руслана, — он поднёс мои руки к губам и поцеловал костяшки пальцев. — Я знаю, что делаю. Я не зря выжил в этом мире. И сегодня я покажу Гордееву, что Волковы — не те, с кем можно играть.

Я молчала, потому что слова были не нужны. Он понял всё по моему взгляду. Я верила ему. Верила в него.

— Я вернусь, — он поднялся, наклонился и поцеловал меня в лоб. — Жди меня. И помни: что бы ни случилось, я люблю тебя.

— Я тебя тоже, — прошептала я, но он уже развернулся и направился к двери.

У порога он на мгновение остановился, бросил на меня последний долгий взгляд, полный решимости и тоски, а потом вышел, оставив после себя запах табака и невысказанное обещание.

Я осталась одна. Тишина звенела в ушах. Я подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу и долго смотрела, как его машина выезжает со двора и растворяется в вечерних сумерках. Грудь сжимало от тревоги, но где-то внутри, под слоем страха, теплилась надежда. Он вернётся. Он обещал.

Я сжала в кулаке край пойманного им одеяла, словно это могло удержать его. И повторяла про себя, как заклинание: «Я не успел стать её первым...» Нет, мы успеем. Мы станем одним целым. Я заставлю судьбу отдать нам этот шанс.

Потом я опустилась на диван, обняла подушку, пропитанную его запахом, и стала ждать. Ожидание было как медленный яд, но я знала: этот яд мы уже пили. И он не смог нас убить.

В голове звучали строки из той памятной для нас песни.

Нет. Мы сможем. Мы станем одним целым. Я верила в это, как никогда раньше.

Я отошла от окна, опустилась на диван и обняла подушку, хранившую его запах. Ожидание снова стало пыткой, но теперь в нём была не только тревога, но и надежда. Он вернётся. Он обещал.

Встреча проходила в закрытом ресторане на окраине города — старом, обшарпанном снаружи, но с ухоженным залом, где пахло деревом, коньяком и чужим страхом. Это была нейтральная территория, которую обе стороны согласовали через посредников. Максим настоял на этом месте не случайно: здесь было три выхода, а его люди незаметно проникли внутрь ещё утром, изучили каждый угол, проверили персонал и установили скрытые камеры.

Он вошёл первым, без спешки, держа спину прямо. Окинул зал цепким взглядом, отметив всё: расстановку столов, расстояние до кухни, расположение окон. Гордеев уже сидел за столиком в дальнем углу — грузный, лысеющий, в дорогом костюме, который сидел на нём мешковато, как на человеке, давно потерявшем форму. Его глаза, холодные и пустые, следили за каждым движением Максима, как у рыбы, выброшенной на лёд.

Рядом с Гордеевым стояли двое телохранителей — крепкие, с квадратными челюстями и оттопыренными пиджаками. Они не сводили с Максима взглядов, готовые выхватить оружие в любую секунду. Ещё трое людей Гордеева сидели за соседним столиком, делая вид, что ужинают. Максим усмехнулся про себя: он уже знал о них, как знал и о том, что у заднего выхода припаркована машина с подкреплением.

Он занял место напротив Гордеева, не снимая пиджака, и сел так, чтобы держать в поле зрения и самого хозяина, и его охрану, и входную дверь. Его люди — четверо, включая Сергея Ивановича — рассредоточились по залу: двое у входа, один у бара, ещё один у чёрного хода.

— Ну что, Волков, — процедил Гордеев, откинувшись на стуле, — решил сдаться? Пришёл просить, чтобы я не трогал твою бабу?

Он ухмыльнулся, обнажив жёлтые зубы, и в этой ухмылке было столько презрения, что воздух вокруг сгустился. Максим не повёл и бровью.

— Я пришёл предложить тебе сделку, — спокойно ответил он. — И советую хорошенько подумать, прежде чем отказываться.

Он не стал тянуть. Достал из внутреннего кармана маленький планшет, положил его на стол и развернул к Гордееву. На экране были видны сканы документов: банковские выписки, схемы офшоров, расшифровки телефонных переговоров. Гордеев скосил глаза, и его ухмылка медленно сползла.

— Что это? — спросил он, хотя по лицу было видно — он уже понял.

— Здесь всё, — Максим ткнул пальцем в экран. — Твои счета в офшорах, переговоры о поставках, заказные убийства, откаты. Хватит, чтобы посадить тебя на три пожизненных. Или уничтожить твой бизнес за одну ночь.

Он говорил ровно, без эмоций, как человек, который не угрожает, а просто констатирует факт. Гордеев побледнел, но быстро взял себя в руки.

— Блефуешь, — выдавил он, отводя взгляд.

— Хочешь проверить? — Максим слегка наклонился вперед. — Через минуту после моего звонка или... или если со иной что-то случится, эти материалы уйдут в СМИ, в проку-

ратуру Бастрыкину и твоим конкурентам. Ты даже не успеешь выехать из города. Но у меня нет желания этого делать. Поэтому я здесь.

Гордеев сверлил его взглядом. В зале повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов и далёким гулом холодильника. Люди Гордеева напряглись, ожидая приказа. Люди Максима замерли, готовые ответить.

— Чего ты хочешь? — наконец выдал Гордеев, и в его голосе впервые прозвучало что-то, похожее на уступку.

— Ты забываешь о Руслане. Снимаешь с неё наблюдение, прекращаешь охоту. Отдаешь мне сеть клубов.

— А если я откажусь? — Гордеев прищурился, и в его рыбьих глазах мелькнул прежний гонор.

Максим чуть подался вперед и заговорил тише, но от этого его слова прозвучали ещё весомее:

— Тогда я уничтожу тебя. И не только тебя — всю твою семью, всех, кто тебе дорог. Ты знаешь, я слов на ветер не бросаю.

Гордеев побагровел. Его пальцы впились в край скатерти так, что костяшки побелели.

— Ты не посмеешь, — прошипел он. — У меня тоже есть люди, связи, деньги...

— У меня их больше, — перебил Максим. — И главное — у меня есть правда. А у тебя — только грязные тайны, которые я в любой момент вытащу на свет. Ты уже не тот, кем был, Гордеев. Пора это признать.

Он снова кивнул на планшет, где мелькали новые файлы — фотографии встреч Гордеева с чиновниками, скриншоты переписок, имена свидетелей. Максим листал их неспешно, давая противнику время осознать масштаб катастрофы.

— Я не собираюсь тебя сажать, — продолжил он, откидываясь на спинку стула. — Мне это не нужно. Мне нужно, чтобы ты исчез. Тогда мы разойдёмся, и каждый останется при своих.

— А если я не верю тебе? — Гордеев поднял на него тяжёлый взгляд. — Вдруг ты сольёшь информацию, как только я уеду?

— Это не в моих интересах, — Максим покачал головой. — Мне не нужна война. Я хочу спокойствия. И если ты уйдёшь, я забуду о тебе. Но если останешься в городе, то пеняй на себя.

Несколько минут длилась немая дуэль. Гордеев обдумывал варианты, и Максим видел, как в его глазах борются страх и амбиции. Наконец он шумно выдохнул, ссутулился и потянулся к бокалу с водой.

— Хорошо, — прорычал он, не глядя на Максима. — Но учти: если обманешь, я из-под земли достану. И не только тебя — её тоже.

— Не обману, — Максим поднялся, поправил пиджак. — У тебя есть сутки, чтобы исчезнуть. Потом я начну действовать. И не надейся на свои связи наверху, потому что у меня они тоже есть и не хилые.

Он развернулся и вышел, не оглядываясь. За спиной слышалось тяжёлое дыхание Гордеева, но Максим знал: тот не решится напасть. Слишком многое поставлено на карту. И всё же краем сознания он фиксировал каждое движение — охраны, официантов, даже тени за окном. Ошибка могла стоить жизни.

Сев в машину, он достал телефон и набрал номер своего помощника.

— Всё прошло по плану, — коротко сказал он. — Гордеев принял условия. Начинайте подготовку к передаче активов. И усиьте наблюдение за его людьми. Он ещё может дёрнуться.

Затем он набрал меня. Я сидела на диване, сжимая телефон, как спасательный круг. Увидев его имя на экране, я чуть не уронила трубку.

— Я еду, — сказал он, и в его голосе я услышала усталость, смешанную с облегчением. — Всё закончилось.

— Слава богу, — выдохнула я, чувствуя, как слёзы счастья текут по щекам. — Ты цел?

— Цел. Не переживай. Скоро буду.

Я прижала телефон к груди и разрыдалась — теперь уже от счастья, а не от страха. Он возвращался. Впервые за долгое время я поверила, что у нас есть будущее.

Я не помнила, сколько времени просидела на диване, сжимая телефон, после его звонка. Слезы высохли, оставив на щеках солёные дорожки, но внутри всё дрожало от нетерпения. Он едет. Он жив. Всё закончилось. Я повторяла эти слова, как заклинание, но до конца поверить не могла, пока не увижу его своими глазами.

Звук открывающейся двери заставил меня вздрогнуть. Я вскочила, опрокинув плед, и бросилась в прихожую. Максим стоял на пороге, усталый, с тенями под глазами, но живой. Его пиджак был небрежно перекинут через руку, ворот рубашки расстёгнут, волосы растрёпаны. Он смотрел на меня так, будто не видел целую вечность, и в этом взгляде было столько всего — облегчение, нежность, желание, — что у меня подкосились ноги.

— Максим, — выдохнула я, бросаясь к нему.

Он поймал меня, прижал к себе, и я утонула в его объятиях, вдыхая запах табака, виски и той особенной, только ему присущей горьковатой свежести. Его руки сжались на моей спине с такой силой, будто он боялся, что я исчезну. Я чувствовала, как его сердце бьётся о моё, как его дыхание сбивается, как дрожат его ладони, скользящие по моим волосам.

— Ты вернулся, — прошептала я, уткнувшись лицом в его грудь.

— Вернулся, — его голос был хриплым, надтреснутым. — Я же обещал.

Он отстранился, взял моё лицо в ладони, заглянул в глаза. Его взгляд был напряжённым, изучающим, будто он хотел убедиться, что со мной всё в порядке.

— Ты как? — спросил он.

— Теперь хорошо, — я улыбнулась сквозь слёзы. — А ты? Что было на встрече?

— Всё прошло так, как я и планировал, — он провёл большим пальцем по моей щеке, стирая влагу. — Гордеев сдался. Завтра он уедет из города. Охота на тебя прекращена.

Я не могла верить. Неужели кошмар закончился? Столько дней страха, бегства, неизвестности — и вот теперь всё позади? Я смотрела на Максима, на его усталое, но довольное лицо, и чувствовала, как внутри что-то разжимается, отпускает.

— Ты сделал это ради меня, — прошептала я.

— Ради нас, — поправил он. — Я устал жить прошлым, Руся. Я хочу настоящего. И будущего. С тобой.

Он наклонился и поцеловал меня. Сначала нежно, почти невесомо, как будто пробовал на вкус. Но я ответила с той жадностью, которая копилась все эти дни разлуки и страха. Мои пальцы вцепились в его рубашку, притягивая ближе. Его язык скользнул мне в рот, и поцелуй стал глубже, требовательнее, переполненный эмоциями, которые мы оба так долго сдерживали.

— Я так боялась тебя потерять, — призналась я, когда он оторвался от моих губ, чтобы глотнуть воздуха.

— Я тоже боялся, — он прижался лбом к моему лбу. — Но теперь всё позади.

Он подхватил меня на руки и понёс в спальню. Я обвила его шею руками, целуя его шею, вдыхая его запах. Он бережно опустил меня на кровать, навис сверху, опираясь на локти. В полумраке его глаза казались бездонными, и в них я видела не только страсть, но и что-то большее — благоговение, нежность, обещание.

— Я хочу тебя, — прошептал он, и в его голосе была та самая хрипотца, от которой у меня всегда подгибались колени.

— Я тоже тебя, — выдохнула я, расстёгивая его рубашку дрожащими пальцами.

Он раздевался медленно, не сводя с меня взгляда. Я помогала ему, снимая с себя одежду, и вскоре мы остались обнажёнными, прижавшись друг к другу. Его руки скользили по моему

телу, изучая, лаская, вызывая волны дрожи. Я стонала, выгибаясь ему навстречу, и чувствовала, как внутри разгорается огонь, который не могли потушить ни годы, ни расстояние.

Он целовал мою шею, плечи, грудь, спускался ниже, оставляя влажные дорожки на коже. Я запустила пальцы в его волосы, прижимая его голову к себе. Он был груб, но в то же время удивительно нежен, и от этого контраста у меня кружилась голова.

— Максим, пожалуйста... — умоляла я, не в силах больше терпеть.

Он понял меня без слов. Вошёл в меня медленно, но глубоко, и я вскрикнула, вцепившись ногтями в его спину. Он двигался размеренно, но с каждым толчком темп нарастал, становился яростнее, и вскоре мы уже неслись навстречу друг другу, как две волны, готовые разбиться о берег.

— Смотри на меня, — приказал он, и я открыла глаза.

В его взгляде была тьма, но теперь она не пугала — она была частью его, и я принимала его целиком. Я видела в ней не только страсть, но и любовь, такую глубокую, что у меня защищало в глазах. Мы кончили одновременно, и я выкрикнула его имя, прижимаясь к нему всем телом, чувствуя, как наши души на мгновение сливаются в одно целое.

После мы лежали, переплетаясь, в тишине. Его рука покоилась на моей талии, моя голова — на его груди. Я слушала, как бьётся его сердце, и впервые за долгое время чувствовала покой.

— Знаешь, — нарушила я тишину, — в той песне были слова: «Мы не смогли стать одним целым». Тогда я думала, что это про нас. Что нам никогда не суждено быть вместе.

— А теперь? — он погладил меня по волосам.

— Теперь я знаю, что мы сможем. Уже смогли.

Он приподнялся, опираясь на локоть, и посмотрел на меня так, будто видел впервые.

— Мы прошли через ад, Руслана. Но я ни о чём не жалею. Если бы не ты, я бы давно сгорел в этом мире.

— Я тоже, — прошептала я. — Ты мой яд и моё противоядие.

Он усмехнулся, наклонился и поцеловал меня в висок.

— Завтра я начну передавать дела. Через месяц мы уедем. Куда угодно, куда захочешь. Начнём всё сначала.

— А если я захочу на море? — я улыбнулась.

— Значит, будет море. Ты, я и больше никого.

Я обняла его, прижалась крепче, вдыхая его запах. Впереди ещё было много нерешённого: его бизнес, его прошлое, люди, которые могли не отпустить. Но сейчас, в этой комнате, в его объятиях, я верила, что у нас получится.

Потому что мы уже прошли через самое страшное — через потерю, вину, разлуку. И всё, что было, стало не пеплом, а фундаментом. Нашей песней, которую мы напишем вместе.

Глава 10. Новая песня

Месяц спустя

Солнце садилось за горизонт, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Мы стояли на террасе небольшого дома, который сняли на берегу моря, вдали от города. Воздух пах солью и цветущими акациями, волны лениво накатывали на песок, оставляя белую пену. Я обняла Максима за талию, положила голову ему на грудь. Он прижал меня к себе, целуя в макушку.

— О чём думаешь? — спросил он.

— О том, что мы всё-таки смогли, — ответила я. — Смогли вырваться.

— Это было непросто, — он усмехнулся. — Но ты верила в меня.

— Я верила в нас.

Мы помолчали. Где-то вдалеке кричали чайки, и их крики смешивались с шумом прибоя. Впервые за долгие месяцы я чувствовала себя по-настоящему свободной. Не оглядывалась, не ждала удара, не боялась телефонных звонков.

Максим сдержал слово. Он передал активы, рассчитался с людьми, уладил дела с Гордевым. Тот, к слову, действительно исчез из города, и больше о нём никто не слышал. Его люди, оставшись без руководства, быстро растворились. Война, которая могла разгореться, так и не началась.

— Знаешь, что я вспомнила? — я подняла на него глаза. — Ту песню. Она ведь была про нас, но только наполовину.

— Что ты имеешь в виду?

— «Он не успел стать моим первым». Это так. Ты не был моим первым мужчиной, а я не стала твоей последней перед... всем этим. Но главное в другом: «Мы не смогли стать одним целым». Вот это мы исправили.

Он посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом, потом взял моё лицо в ладони.

— Мы стали одним целым, Руслана. Вопреки всему.

— И всё, что было, стало песней, — прошептала я, улыбаясь.

— Нашей песней, — он поцеловал меня, и в этом поцелуе была нежность, благодарность и обещание.

Мы стояли на террасе, обнявшись, пока солнце медленно опускалось в море. Я закрыла глаза и вдохнула его запах. Позади был ад, впереди — целая жизнь. И я знала, что теперь мы справимся с чем угодно. Потому что мы — одно целое.

И эта песня никогда не закончится.

Прошло три месяца. Наша жизнь на побережье постепенно обретала черты того спокойного, почти идиллического существования, о котором мы оба мечтали, но в которое до конца не верили. Мы сняли небольшой дом с видом на море, завели привычку завтракать на террасе, слушая шум прибоя, и гулять по пустынному пляжу на закате. Максим всё реже говорил о делах, всё чаще улыбался, и я видела, как с его лица уходит та жёсткая маска, что была его бронёй все эти годы.

Но тени прошлого не исчезали. Я замечала, как иногда он замирал у окна, глядя куда-то вдаль, и в его взгляде появлялась та самая пустота, что пугала меня три года назад. Я не спрашивала — боялась спугнуть. Но чувствовала: между нами всё ещё стоит призрак Артёма. И с этим нужно было что-то делать.

Однажды утром, когда я стояла перед зеркалом в ванной, меня накрыло странное ощущение. Тошнота подкатила внезапно, я едва успела добежать до унитаза. Голова закружилась, тело покрылось испариной. Я опустилась на холодный пол, обхватив живот. Внутри всё сжалось от догадки, и я замерла, не в силах пошевелиться.

Беременность.

Эта мысль вспыхнула, как молния, и тут же разлилась по телу волной противоречивых чувств: радость, страх, вина, надежда. Я посчитала в уме дни. Да, это могло случиться в ту ночь, когда он вернулся после встречи с Гордеевым. Или в одну из последующих ночей, когда мы, опьянённые свободой, не думали о предохранении.

Я долго сидела на полу, приходя в себя. Сердце колотилось где-то в горле. Что скажет Максим? Он ведь говорил, что хочет будущего со мной, но готов ли он к такому повороту? И, главное, как я сама к этому отношусь? В моей голове звучали голоса: мать, которая не хотела меня; Артём, который мечтал о детях; Максим, который говорил, что я его единственный смысл. Слишком много всего.

Я решила пока ничего ему не говорить. Сначала нужно было убедиться, сходить к врачу, осмыслить. Но тайна уже поселилась во мне, и она меняла всё.

В тот же день позвонил отец Максима. Я слышала обрывки разговора: Максим вышел на террасу, чтобы я не слышала, но ветер доносил до меня слова. «Ты должен вернуться», «Это не обсуждается», «Мать слегла». Я замерла. Семья снова вторгалась в нашу жизнь, и я знала, что это только начало.

Когда Максим вернулся, его лицо было мрачным. Он сел напротив, взял мои руки.

— Отец хочет, чтобы я приехал. Мама заболела. Просит повидаться.

— Ты поедешь? — спросила я, стараясь не показывать тревоги.

— Не знаю. Я не хочу оставлять тебя.

— Я поеду с тобой.

— Нет, — он покачал головой. — Это опасно. После того, как я ушёл, отец не в лучшем расположении. Он может... сорваться.

— Мне всё равно, — я сжала его ладонь. — Мы же договаривались: вместе до конца.

Он долго смотрел на меня, потом вздохнул.

— Хорошо. Но ты будешь рядом со мной. И никакой самостоятельности.

Через три дня мы выехали в город. Всю дорогу Максим молчал, погружённый в свои мысли. Я сидела рядом, положив руку ему на колено, и молилась, чтобы эта поездка не разрушила то хрупкое равновесие, которое мы только начали выстраивать.

Семейный особняк встретил нас холодом. Не тем холодом, что бывает от погоды, а тем, что исходит от стен, пропитанных старыми тайнами и многолетней отчуждённостью. Ворота открылись медленно, пропуская наш внедорожник во двор, посыпанный гравием. Максим заглушил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на фасад — строгий, серый, с высокими окнами, за которыми угадывалась жизнь, лишённая тепла.

— Готова? — спросил он, не поворачиваясь.

Я кивнула, хотя внутри всё дрожало. Мы вышли из машины. Воздух здесь был другим — тяжёлым, пахнувшим старым деревом, сыростью и чем-то неуловимо горьким. Максим взял меня за руку, и я почувствовала, как его пальцы холодны, несмотря на тёплый вечер.

Нас встретила горничная — немолодая женщина в тёмном платье, с безучастным лицом. Она провела нас в дом, не задавая вопросов. Внутри было так же мрачно, как и снаружи: высокие потолки, тяжёлые портьеры, тёмная мебель. Всё дышало стариной и властью, от которой становилось неудобно.

Отец Волков ждал в кабинете. Я увидела его мельком, когда Максим открыл дверь: сухой, седой, с цепким взглядом, сидел за массивным столом, не поднимая головы. Он лишь бросил короткий взгляд на сына и снова уткнулся в бумаги. В этом взгляде не было ни тепла, ни радости — только расчёт и что-то ещё, похожее на подавленный гнев.

Максим оставил меня в гостиной, а сам ушёл в кабинет.

Елена Викторовна проводила взглядом прямую спину сына. Когда шаги мужа затихли в глубине коридора, она тяжело опустилась рядом со мной на диван. От неё пахло валерьянкой и старыми духами.

— Он стал совсем как отец, — произнесла она в пустоту, разглаживая складки на черной юбке. — Тот тоже считал, что семья — это крепость, а близкие — лишь гарнизон. Ради этой крепости он пожертвовал нашим браком, моим здоровьем и жизнью Артёма. Я смотрю на Макса и вижу Игоря двадцать лет назад. Та же одержимость контролем, та же уверенность, что любовь нужно покупать защитой.

Она повернулась ко мне. В её глазах больше не было робости, только горькая мудрость женщины, похоронившей одного ребенка и едва не потерявшей второго.

— Обещай мне одно, девочка. Не позволяй ему превратить тебя в тень, какой стала я. Если он скажет прыгать — заставь его остаться на земле ради вас. Иначе однажды он уйдет «решить вопрос» и сгорит вместе с очередной машиной врага, оставив тебе только пепел. Наша фамилия проклята деньгами. Помни об этом, когда будешь рожать моего внука.

Я замерла, боясь пошевелиться. Впервые кто-то смотрел на Максима не как на спасителя или монстра, а как на сломленного наследника тяжелой династии.

Я села на край кожаного дивана, чувствуя, как внутри нарастает тревога. Рядом, на низком столике, стояла ваза с засохшими розами — их лепестки осыпались, оставив голые стебли. Я невольно вспомнила другую вазу, разбитую в моей квартире три года назад. Казалось, сам воздух здесь был пропитан ожиданием беды.

Я сжимала в руках чашку остывшего чая, но так и не сделала ни глотка. Голоса за дверью кабинета становились всё громче: сначала сдержанный рокот, потом отдельные фразы, прорывающиеся сквозь дерево. Я различала слова «Гордеев», «информация», «компромат», но они не складывались в общую картину. Зато тон отца — холодный, обвиняющий — был понятен без слов.

Наконец дверь распахнулась. Из кабинета вышел Максим — бледный, с каменным лицом. Его глаза были пустыми, а челюсть сжата так, что желваки ходили ходуном. Я вскочила, но он уже подошёл ко мне, взял за руку и потянул к выходу.

— Уходим, — коротко сказал он, не глядя на меня.

— Что случилось? — я едва поспевала за его широким шагом.

— Он всё знает, — Максим усмехнулся, но в глазах была боль. — Кто-то из людей Гордеева перед отъездом слил ему информацию. Про нас. Про то, что было до смерти Артёма.

У меня внутри всё оборвалось. Я посмотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Правда, которую мы так тщательно прятали, всё же выползла наружу.

— Он назвал тебя убийцей, — продолжил Максим, и его голос дрогнул. — Сказал, что ты виновата в смерти его сына. И что он не желает тебя видеть в этом доме.

Слёзы брызнули из моих глаз. Я ожидала чего угодно, но не такого. Хотя, наверное, это было неизбежно. Правда всегда выходит наружу. Я остановилась, не в силах сделать шаг.

— Максим, — прошептала я. — Он прав.

— Нет, — он резко повернулся, схватил меня за плечи. — Не смей так говорить. Ты не убийца. Мы оба виноваты, но ты не убийца.

— Но он так думает. И теперь он ненавидит меня.

— Пусть ненавидит. Мне плевать, что он думает. Ты моя семья. И я не позволю ему или кому-то ещё разрушить это.

Он обнял меня, прижал к себе. Я уткнулась лицом в его грудь, чувствуя, как его сердце колотится часто и сбивчиво. В этот момент я ощутила его защиту, но и его боль. Он разрывался между семьёй и мной, и это разрывало его на части.

— Мы уезжаем, — прошептал он, поглаживая мои волосы. — Прямо сейчас. Я не оставляю тебя здесь ни на минуту.

Я кивнула, не в силах спорить. Мы вышли из дома, не попрощавшись. В спину нам смотрели окна особняка, тёмные и пустые, как глаза тех, кто нас осудил.

Мы уехали в ту же ночь. В машине я молчала, глядя на мелькающие за окном огни. Максим держал мою руку, не отпуская.

— Прости меня, — прошептал он. — Я не смог защитить тебя от этого.

— Ты не виноват, — ответила я. — Это была наша общая тайна. И расплата за неё тоже общая.

Я не стала говорить ему о беременности. Не сейчас. Слишком много всего навалилось. Но в глубине души я знала: этот ребёнок — не только плод нашей любви, но и наш шанс искупить вину. И когда-нибудь я ему об этом скажу.

В машине я долго молчала, глядя в окно на проплывающие мимо улицы. Слёзы высохли, оставив на щеках дорожки. Максим вёл машину, сжимая руль до побелевших костяшек. Тишина была тяжёлой, но я знала: мы справимся. Вместе.

Он повёз нас не домой, а на какую-то маленькую дорогу, ведущую к морю. Остановил машину на смотровой площадке, выключил двигатель и вышел. Я вышла следом. Ветер с моря растрепал мои волосы, принесся запах соли и свободы.

— Я должен был давно уйти из этой семьи, — сказал Максим, глядя на тёмную воду. — Но не мог.

— И что теперь? — спросила я, подходя ближе.

— Теперь у меня есть ты. И я не собираюсь оглядываться.

Он повернулся ко мне, взял моё лицо в ладони.

— Я люблю тебя, Руслана. И мы справимся.

Я улыбнулась сквозь слёзы и кивнула. Тайна больше не была тайной, но она больше не имела над нами власти. Мы заплатили за неё достаточно. Теперь оставалось только жить.

Глава 11. Новая жизнь

Мы вернулись в наш дом у моря поздно ночью. Ветер с залива гнал по небу рваные облака, и луна то выныривала, то снова пряталась, отчего тени на стенах казались живыми. Максим помог мне выйти из машины, и я почувствовала, как дрожат его руки — не от холода, а от пережитого напряжения. Мы не стали включать свет в гостиной, просто сели на диван, и он притянул меня к себе, укрыв пледом. Я прижалась к его боку, слушая, как его сердце постепенно успокаивается.

— Ты так и не рассказал, что он говорил, — тихо произнесла я, нарушая тишину.

Максим не сразу ответил. Его пальцы медленно перебирали мои волосы, а взгляд был устремлён в тёмное окно, за которым шумело море.

— Он требовал, чтобы я оставил тебя, — наконец сказал он. — Сказал, что если я этого не сделаю, он отречётся от меня и лишит всего. Что после того, что мы сделали, я не имею права носить фамилию Волковых.

Я вздрогнула. Внутри снова поднялась волна вины.

— И что ты ответил?

— Я ответил, что ты — моя жизнь, — он повернулся ко мне, и в его глазах, несмотря на усталость, горела прежняя решимость. — А фамилия — всего лишь слово. Я сам сделал себя тем, кто я есть. И если он хочет отречься — пусть. Я не собираюсь выбирать между тобой и семьёй. Ты моя семья. Единственная настоящая.

Слёзы снова навернулись на глаза. Я обняла его, уткнувшись лицом в шею. От него пахло солью, табаком и чем-то родным, что заставляло сердце биться ровнее.

— Я не хочу быть причиной разрыва с отцом, — прошептала я.

— Ты не причина, — он покачал головой. — Причина в том, что он никогда не умел прощать. И в том, что я давно перестал быть тем сыном, которого он хотел видеть. Мы с ним чужие. Так было задолго до тебя.

— А мать? Она ведь не виновата.

— Мать всегда была между нами, — вздохнул Максим. — Но она тоже знала, что я живу по своим правилам. Она не лезла. Может, поэтому и выжила.

Я не знала, что сказать. Впервые за долгое время он говорил о семье так откровенно, и эта откровенность одновременно пугала и сближала. Я почувствовала, что между нами исчезла ещё одна стена.

— Максим, я должна сказать тебе кое-что ещё, — я отстранилась, заглянула ему в глаза. — Я беременна.

Он замер. В тусклом свете луны его лицо казалось высеченным из мрамора — неподвижным, но в глазах бушевала буря. Несколько секунд он молчал, просто смотрел на меня, будто переваривая услышанное.

— Ты не шутишь? — наконец выдохнул он.

— Нет. Я узнала перед поездкой. Срок маленький, но я уверена.

Он резко притянул меня к себе и впился в мои губы. Поцелуй был отчаянным, солёным от моих слёз, и в нём смешались все эмоции разом: страх, радость, недоверие, любовь. Я ответила с той же страстью, запустив пальцы в его волосы. Его руки скользнули под мой свитер, прижались к животу, будто он хотел почувствовать наше дитя.

— Это чудо, — прошептал он, отрываясь от моих губ. Его голос дрожал. — Ты подарила мне не только себя, но и его. Или её.

— Я боялась, что ты не захочешь, — призналась я.

— Ты с ума сошла? — он усмехнулся, но в глазах стояли слёзы. — Я уже люблю этого ребёнка. Потому что он часть тебя. И часть меня.

Он снова поцеловал меня, на этот раз нежно, почти благоговейно. Потом поднял меня на руки и понёс в спальню. В ту ночь наша близость была другой — не исступлённой, не жадной, а глубокой и трепетной. Он был осторожен, словно боялся навредить, но каждое его прикосновение отзывалось во мне волной нежности. Мы занимались любовью, как в первый раз, но теперь между нами было не только желание, а нечто большее — осознание, что мы больше не просто любовники, а семья. И это меняло всё.

После, лёжа в его объятиях, я впервые за долгое время уснула спокойно. Мне снилось море, белый песок и маленькие ножки, бегущие по воде.

Следующие месяцы пролетели, как один день. Максим оказался удивительно заботливым, когда дело касалось моего состояния. Он запретил мне поднимать что-то тяжелее чайной чашки, лично следил за моим питанием, привозил свежие фрукты и требовал, чтобы я отдыхала. Иногда это доходило до смешного: он мог разбудить меня среди ночи, чтобы спросить, не хочу ли я солёных огурцов или мороженого. Я смеялась, но в душе таяла от его заботы.

Мы много гуляли по пляжу. Я медленно шла вдоль кромки воды, а Максим держал меня за руку, как самую большую драгоценность. Мы говорили о будущем: как назовём ребёнка, как обустроим детскую, в какую школу он пойдёт. Эти разговоры казались такими простыми, но именно они наполняли нашу жизнь смыслом.

Отец Максима так и не позвонил. Я видела, как Максим иногда проверяет телефон, надеясь на звонок, но трубка молчала. Это ранило его, хотя он не подавал вида. Я старалась быть рядом, поддерживать, и со временем он перестал ждать. Вместо этого он с головой ушёл в подготовку к рождению малыша.

За месяц до родов в наш дом неожиданно приехала мать Максима. Я открыла дверь и увидела на пороге бледную, осунувшуюся женщину с небольшим чемоданом на колёсиках. Её пальто висело на плечах, как на вешалке, а в глазах застыла та особая усталость, какая бывает у людей, переживших слишком много потерь. Она смотрела на меня с той же слабой, едва уловимой улыбкой, что и тогда в особняке, но теперь в её взгляде не было ни осуждения, ни отстранённости — только глубокая, выстраданная мольба о покое.

— Я ушла от него, — тихо сказала она, и голос её дрогнул, как натянутая струна. — Можно мне побыть с вами?

Я стояла, не в силах вымолвить ни слова. Передо мной была мать человека, которого я когда-то предала, и одновременно женщина, которая только что сделала шаг, стоивший ей, возможно, всего. Её приезд был не просто визитом — это был жест, полный риска и надежды. Я почувствовала, как к горлу подступает ком, но сдержалась.

— Конечно, — выдохнула я, отступая в сторону и пропуская её внутрь. — Входите, Елена Викторовна.

Она переступила порог, и в этот момент из гостиной вышел Максим. Я услышала его шаги за спиной и обернулась. Увидев мать, он замер. На его лице отразилась сложная гамма чувств: удивление, смешанное с болью, облегчение, боровшееся с недоверием. Несколько секунд он просто смотрел на неё, будто не верил своим глазам, потом шагнул вперёд и молча обнял. Это объятие было красноречивее любых слов — в нём было всё: прощение, тоска, благодарность и та невысказанная любовь, которую оба прятали годами.

Я стояла рядом, чувствуя себя лишней, но в то же время — частью чего-то важного. Это был момент воссоединения семьи, пусть и неполной, пусть и запятнанной трагедией, но всё же семьи. И я была в неё вписана — пусть не кровью, но любовью.

Позже, когда мы сидели втроем за ужином, Елена Викторовна рассказывала о том, что осталось за стенами особняка. Она говорила тихо, глядя в тарелку, и в её голосе сквозила горечь, которую она уже не пыталась скрыть.

— После смерти Артёма отец совсем сломался, — призналась она. — Сначала замкнулся, потом стал ещё более жёстким, подозрительным. Перестал доверять даже мне. А когда узнал о беременности Русланы... — она осеклась, подняла на меня глаза, полные слёз, — он запретил мне общаться с вами. Сказал, что если я это сделаю, то тоже стану предательницей.

Я слушала и чувствовала, как внутри всё сжимается. Значит, отец Максима знал о ребёнке. Знал и всё равно отвернулся. Это причиняло боль, но одновременно освобождало: больше не нужно было прятаться.

— Я не выдержала, — продолжила Елена Викторовна, и её голос окреп. — Я хочу увидеть своего внука. И я не держу зла. Артём был моим сыном, но он сам сделал выбор. Я не могу винить вас в том, что вы полюбили друг друга. Это было бы несправедливо.

Её слова стали для меня бальзамом на израненную душу. Впервые кто-то из семьи Волковых не осуждал нас, а пытался понять. Я почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза, и не стала их сдерживать. Елена Викторовна поднялась, подошла ко мне и обняла — крепко, по-матерински, как дочь. Я разрыдалась у неё на плече, выплёскивая всё: вину, страх, облегчение. Она гладила меня по спине и шептала что-то успокаивающее, и впервые за долгие месяцы я почувствовала, что у меня есть не только Максим, но и человек, который может стать матерью.

С того дня в нашем доме стало теплее. Елена Викторовна осталась с нами, и жизнь наполнилась новыми, простыми радостями. Она помогала готовить, и на кухне теперь пахло её фирменными пирогами с яблоками. Она вязала пинетки и крошечные кофточки, сидя в кресле у окна, и рассказывала, как растила сыновей. Эти истории были полны нежности и боли, и я слушала их, затаив дыхание. Максим поначалу был сдержан, но я видела, как он постепенно оттаивает: за ужином он всё чаще улыбался, а однажды я заметила, как он, проходя мимо матери, легко коснулся её плеча — жест, который говорил больше слов.

Его семья обретала новые очертания, и я была её частью. Не невестой погибшего, не любовницей старшего брата, а женщиной, которая подарила этой семье продолжение. И это осознание наполняло меня тихой, глубокой радостью.

Роды начались ночью, под конец девятого месяца. Я проснулась от резкой, пронзительной боли внизу живота, которая скрутила меня, как мокрую тряпку. Вскрикнула, вцепившись пальцами в простыню. В комнате было темно, лишь луна бросала на пол холодные блики. Я попыталась сесть, но новая волна боли заставила меня застонать и откинуться обратно на подушки.

Максим мгновенно оказался рядом. Я даже не заметила, как он проснулся, — настолько быстрым и бесшумным было его движение. В тусклом свете я увидела его лицо: бледное, с расширенными от тревоги глазами, но в то же время собранное, решительное. Он схватил меня за руку, сжал, и я почувствовала, как дрожат его пальцы, несмотря на внешнее спокойствие.

— Началось, — выдохнула я, чувствуя, как по телу прокатывается новая судорога. — Больно, Максим... Очень.

— Я знаю, родная, — он погладил меня по щеке, убирая прилипшие ко лбу волосы. — Держись. Сейчас всё будет хорошо.

Он действовал чётко, как на операции: вызвал машину, помог мне подняться, накинул на плечи тёплый халат, сунул ноги в мягкие тапочки. Я едва стояла, ноги подкашивались, и он буквально нёс меня к выходу, одной рукой поддерживая за талию, другой — прижимая к себе. Воздух на улице был прохладным, пахло морем и мокрой листвой. Максим усадил меня на заднее сиденье, сам сел рядом, не отпуская моей руки.

— Дыши, Руслана, — говорил он, пока машина мчалась по пустым ночным улицам. — Помнишь, как на курсах учили? Вдох — выдох. Я с тобой.

Я пыталась дышать, но боль накатывала волнами, и между ними я могла только судорожно хватать ртом воздух. Максим вытирал пот с моего лба, шептал что-то успокаивающее,

и его голос был единственным, что удерживало меня от паники. Водитель, которого Максим нанял заранее, молчал, сосредоточенно глядя на дорогу.

Клиника, выбранная Максимом заранее, встретила нас стерильной белизной и деловой суетой. Меня уложили на каталку и повезли по коридору. Максим шёл рядом, не отставая, держа меня за руку, и я видела, как напряжены его скулы, как он сжимает челюсть, стараясь не показать своего страха.

Роды были долгими и изматывающими. Каждая схватка казалась вечностью, каждая передышка — лишь мгновенным облегчением перед новой волной боли. Я кричала, плакала, впивалась ногтями в ладонь Максима, оставляя на ней красные следы. Он не отходил ни на шаг: держал меня за руку, вытирал пот, поправлял подушку, подавал воду, и всё это — с таким спокойствием, что, глядя на него, я и сама начинала верить, что справлюсь.

— Ты сильная, — шептал он, наклоняясь к моему уху. — Ты справишься. Я рядом. Я всегда рядом.

В его голосе было столько нежности и уверенности, что я, сквозь пелену боли, цеплялась за него, как за спасательный круг. Акушеры что-то говорили, но я их почти не слышала. Существовали только боль, дыхание и его голос.

— Ещё немного, — говорил Максим, сжимая мою руку. — Ещё чуть-чуть, Руся. Наш сын уже близко.

Я собрала последние силы, закричала так, что, казалось, стены задрожали, и вдруг... боль отступила. В следующую секунду раздался крик — громкий, требовательный, самый прекрасный звук на свете. Наш сын.

Врач положил малыша мне на грудь. Он был тёплым, мокрым, крошечным, и я, глядя на его сморщенное личико, разрыдалась от счастья. Всё, что было до этого — боль, страх, отчаяние, — исчезло, растворилось, оставив только бесконечную, всепоглощающую любовь.

Максим стоял рядом, глядя на нас с таким выражением, которого я никогда раньше не видела. В его глазах, всегда таких тёмных и суровых, стояли слёзы. Настоящие, крупные, они катились по его щекам, и он не пытался их скрыть. Он наклонился, поцеловал меня в мокрый от пота лоб, потом осторожно, едва касаясь губами, поцеловал лобик сына.

— Спасибо, — прошептал он, и в этом слове было всё: любовь, благодарность, обещание.

Я посмотрела на него — на моего сильного, нестигаемого Максима, который сейчас был таким уязвимым и одновременно таким прекрасным. Он казался другим человеком: в его чертах появилось что-то новое, что-то, чего я раньше не замечала. Нежность. Отцовская нежность, которая преобразила его до неузнаваемости.

Мы назвали его Александром. В честь моего деда, единственного человека, который верил в меня в детстве. И в честь силы, которая помогла нам выжить.

— Александр Волков, — произнёс Максим, пробуя имя на вкус. — Красиво.

Он сел на край кровати, обнял меня, и мы вместе смотрели на нашего сына, который мирно спал, посапывая. В комнате было тихо, только слышалось дыхание малыша и наше собственное, прерывистое от пережитых эмоций.

— Мы стали родителями, — прошептала я, не веря своему счастью.

— Да, — он прижал меня к себе. — Мы стали семьёй. Настоящей семьёй.

И в этот момент я поняла: то, что мы прошли, было не зря. Вся боль, все потери, все слёзы — всё привело нас сюда, к этому мгновению, когда мы, наконец, стали одним целым. И теперь у нас был тот, ради кого стоило жить дальше.

Когда нас выписали, в доме нас встречала Елена Викторовна. Я увидела её ещё через окно машины: она стояла на крыльце, кутаясь в тёплую шаль, и вглядывалась в дорогу, приложив ладонь к глазам. Едва машина остановилась, она бросилась к нам, забыв о своей всегдашней сдержанности. Максим вышел первым, помог мне выбраться, и только я ступила на землю, как Елена Викторовна уже была рядом.

Она всплеснула руками, увидев свёрток с малышом, и губы её задрожали. Слёзы показались по щекам, но это были слёзы не горя, а облегчения и радости. Она потянулась к внуку, но в нерешительности остановилась, будто боялась, что ей не позволят.

— Можно? — прошептала она, глядя то на меня, то на Максима.

— Конечно, — я улыбнулась и осторожно передала ей Александра.

Она приняла его так бережно, словно он был сделан из тончайшего фарфора. Прижала к груди, заглянула в крошечное личико и всхлипнула.

— Артём... — вырвалось у неё, но она тут же осеклась, прикрыв глаза. — Простите. Просто... он так похож на моего младшего.

Максим подошёл ближе, обнял мать за плечи. В его глазах промелькнула тень, но он быстро справился с собой.

— Он похож на своего деда, — тихо сказал он. — И на свою бабушку.

Елена Викторовна улыбнулась сквозь слёзы и поцеловала малыша в лобик.

— Здравствуй, Сашенька, — прошептала она. — Бабушка так тебя ждала.

Максим стоял рядом, и я видела, как в этот момент он почувствовал себя по-настоящему счастливым. Его лицо, обычно такое суровое, смягчилось, а в глазах появилось то особенное тепло, которое он приберегал только для самых близких. Семья, о которой он даже не мечтал, теперь была рядом: мать, живая и простившая, сын, пахнущий молоком и небом, и я женщина, прошедшая с ним через ад и не отпустившая руки.

Мы вошли в дом. Елена Викторовна хлопотала вокруг нас: помогла расположиться в гостиной, принесла чай, поправила плед на моих коленях. Она всё повторяла, какой Сашенька чудесный, как хорошо, что мы вернулись, как пусто было в доме без нас. Максим слушал её, и на его губах играла лёгкая улыбка.

Вечером, когда Сашенька уснул в своей кроватке, мы с Максимом вышли на террасу. Воздух был прохладным, но не холодным, а с моря тянуло солью и йодом. Он обнял меня сзади, положив подбородок на моё плечо, и мы замерли, глядя на закат. Солнце медленно опускалось в воду, окрашивая небо в нежные розово-золотые тона, и от этого зрелища захватывало дух.

Я думала о том, как далеко мы зашли. Три года назад я не могла и представить, что буду стоять здесь, в его объятиях, с нашим сыном в доме, с его матерью на кухне, с морем, поющим свою вечную песню. Тогда всё это казалось невозможным, запретным, обречённым. А теперь — вот оно, наше настоящее.

— Ты счастлива? — спросил он, целуя мою шею. Его губы были тёплыми и нежными, и от этого прикосновения по телу разлилось спокойное тепло.

— Да, — ответила я, не раздумывая. — А ты?

— Впервые в жизни да.

Он развернул меня к себе, заглянул в глаза. В его взгляде было столько любви, что у меня защипало в носу. Он словно искал подтверждение, что всё это не сон.

— Помнишь ту песню? — спросил он.

— Конечно, — я улыбнулась. — «Он не успел стать моим первым». Я тогда думала, что это про нас. Что нам не суждено.

— А теперь?

— Теперь я знаю, что всё было не зря. Мы прошли через ад, чтобы понять одну простую вещь.

— Какую?

— Что любовь не всегда бывает правильной. Иногда она приходит через боль, через грех, через потери. Но если она настоящая, она способна всё преодолеть. Даже смерть.

Он долго, нежно поцеловал меня, как в первый раз. В этом поцелуе была вся наша история: страсть, боль, разлука, прощение. И в нём же было наше общее «да» будущему, нашей семье, нашему сыну.

— Мы стали одним целым, — прошептал он, оторвавшись от моих губ. Его голос был хриплым от эмоций.

— Да, — согласилась я. — И всё, что было, стало песней. Нашей песней.

Мы стояли, обнявшись, пока солнце опускалось в море. Позади был ад, впереди целая жизнь. И я знала, что теперь мы справимся с чем угодно. Потому что у нас есть мы. И это самое главное.

Где-то в доме тихо заплакал Сашенька, и мы, не сговариваясь, поспешили к нему — навстречу новой жизни, полной забот, смеха и любви.

Тишина стояла несколько месяцев. Почти год абсолютного покоя, соленого ветра и детского смеха. Война с Гордеевым казалась дурным сном из прошлой жизни. Максим окончательно передал дела управляющему, сменил номера телефонов и сжег старые сим-карты.казалось, тень прошлого наконец отпустила нас.

В то утро я проснулась раньше обычного. Максима рядом не было. На подушке лежал клочок бумаги, придавленный его часами. Почерк был резким, размашистым — таким я видела его только в самом начале нашего знакомства, когда он оставлял мне записки в отеле.

«Ушёл закрыть дверь. Не ищи меня. Вернусь к обеду. Люблю тебя. М.»

Я села в кровати, сжимая бумагу похолодевшими пальцами. «Закреть дверь». Это не значило сходить в магазин или проверить рабочих на террасе. В языке Максима это означало поставить финальную точку. Ту, которую он обещал поставить еще в городе, но отложил ради моего спокойствия.

День тянулся мучительно. Я пыталась отвлечь себя Сашкой, который строил замок из песка, но взгляд постоянно цеплялся за линию горизонта.

Около полудня телефон завибрировал на столе. Сообщение пришло с незнакомого скрытого номера. Всего одна фотография.

На экране была объездная трасса, столб черного дыма, уходящий в небо, и скрученное в спираль ограждение моста. Под фото была подпись: *«Объект уничтожен. Ликвидаторы уехали. Концы сожжены. Можете дышать свободно».*

Я смотрела на черный дым, понимая, что где-то там, на асфальте, догорает остов бронированного внедорожника. Человек, державший в страхе половину города, человек, потерявший всё из-за своей жажды мести, перестал существовать.

Максим сдержал слово. Он действительно стал тем, кто решает проблемы навсегда.

Только теперь цена нашей свободы пахла не солью и йодом, а паленой резиной и взрывчаткой. Но впервые за эти годы я выдохнула полной грудью. Дверь закрыта. За нами больше никто не придет.

Эпилог.

Прошло пять лет. Пять наполненных смехом, тревогами, бессонными ночами и тихим счастьем лет, которые изменили нас сильнее, чем все предыдущие бури. Я сидела на широкой деревянной веранде нашего дома, укрывшись от полуденного солнца лёгким пледом, и смотрела, как Макс учит Сашку кататься на велосипеде.

Двор тонул в зелени: разросшиеся кусты жасмина, клумбы с лавандой, пара старых олив. Воздух был тёплым, пропитанным солью и цветочной пылью. С моря доносился ровный, убаюкивающий гул прибоя, и всё это: солнце, зелень, шум воды сливалось в единую картину покоя, в которую я до сих пор порой не верила.

Сашеньке недавно исполнилось пять. Он рос любознательным, упрямым мальчишкой с тёмными, как у отца, волосами и серыми, вечно смеющимися глазами — моими. Сейчас он, сжав руль, неуверенно крутил педали, а Максим бежал рядом, придерживая велосипед за сиденье. Пот ручьями тёк по его лицу, но он открыто улыбался, по-настоящему, той улыбкой, которая за эти годы стала появляться всё чаще.

— Папа, не отпускай! — взвизгнул Сашенька, когда велосипед вильнул.

— Держу, держу, — басил Максим, и я слышала в его голосе смех. — Ногами крути, не смотри вниз. Вперёд!

Мальчик засмеялся, падая на бок, но Максим успел подхватить его прежде, чем колени коснулись земли. Сашенька повис у него на руках, хохоча, и отец, подняв сына в воздух, закружил его. Я прижала ладонь к губам, чтобы не расплакаться от переполнявшей меня нежности. Ещё пять лет назад я и представить не могла, что этот суровый, закрытый мужчина будет так беззаботно возиться с ребёнком.

На моих коленях, уютно свернувшись, спала наша дочь Лена. Ей было два года, и она родилась тоже здесь, в этом доме, под шум прибоя и крики чаек. Мы называли её в честь матери Максима — Елены Викторовны, которая, увы, не дожила до рождения внучки. Она ушла тихо, во сне, через год после переезда, оставив в моей душе светлую грусть и бесконечную благодарность. Она успела увидеть своего внука, успела простить нас, успела стать частью нашей семьи. И это было для нас благословением.

Я помнила, как она сидела на этом самом месте, вязала пинетки и рассказывала, что когда-то мечтала о внучке. «Надеюсь, у Сашеньки будет сестрёнка», — говорила она с улыбкой, и я видела в её глазах ту же надежду, что жила во мне. Теперь Лена носила её имя, и я часто замечала в дочери черты бабушки: тот же мягкий овал лица, те же светло-карие глаза, ту же спокойную улыбку.

Максим наконец отпустил велосипед, и Сашенька поехал сам. Сначала неуверенно, вихляя, но потом всё ровнее, и вот он уже радостно закричал:

— Мама! Смотри! Я еду!

— Я вижу, солнышко! — крикнула я в ответ, сжимая Анну крепче.

Он проехал несколько метров, оглянулся на отца, и в этот момент велосипед снова вильнул. Но Максим уже был рядом, подхватил, не дав упасть. Они оба рассмеялись, и этот родной, такой настоящий смех наполнил воздух.

Я не заметила, как Максим подошёл ко мне. Он опустился на корточки перед моим креслом, взял мою руку и поцеловал запястье. От него пахло солнцем, потом и морем. Я провела ладонью по его взлохмаченным волосам.

— Устал? — спросила я с улыбкой.

— Нет, — он покачал головой, глядя на меня с той прежней, но теперь уже спокойной страстью, которая с годами стала только глубже. — С тобой и детьми я не устаю.

— Лстец, — я засмеялась.

Он сел рядом, положил голову мне на плечо. Лена зашевелилась, но не проснулась, лишь смешно причмокнула губами. Максим осторожно коснулся её щеки, и в его глазах снова мелькнуло то выражение, которое я любила больше всего, — благоговение перед нашим общим чудом.

Максим окончательно отошёл от дел. Он продал последние активы, передал управление надёжным людям — тем, кого знал много лет и кому доверял, — и посвятил себя семье. Иногда я ловила его задумчивый взгляд, устремлённый в море, и спрашивала, скучает ли он по прежней жизни. Он качал головой, и по его спокойным глазам я видела: нет. Он нашёл то, что искал всю жизнь — покой, который не могли дать ни деньги, ни власть, ни страх перед врагами.

— Я никогда не думал, что смогу жить так, — признался он однажды, когда мы сидели на берегу. — Без оружия, без охраны, без постоянного ожидания удара. Просто... жить.

— И как тебе? — спросила я, прижимаясь к нему.

— Как в раю, — он усмехнулся. — Хотя ты, наверное, скажешь, что это слишком банально.

— Нет, — я покачала головой. — Для меня это тоже рай.

Ночью он не мог спать.

Руслана лежала рядом, её дыхание было ровным и глубоким. В лунном свете она казалась ангелом из другого мира — миром, которого он никогда по-настоящему не знал. Он смотрел на неё, чувствуя странную смесь любви и ярости.

Его пальцы скользнули по шраму на плече, полученному много лет назад во время перестрелки за контроль над складами. Шрамы были картой его жизни, путеводной звездой в мире теней. Но здесь, под этим небом, они горели огнем вины.

Он встал бесшумно, чтобы не разбудить её, и вышел на террасу. Море дышало ровно, успокаивающе, но внутри него бушевал шторм.

Телефон вибрировал в кармане брюк. На экране высветилось имя: «Седой». Начальник охраны. Звонок был коротким и тревожным.

— Босс... Гордеев снова пошёл в атаку. Его люди взяли под контроль два наших клуба. Они выставили ультиматум: или ты возвращаешься в город решать вопросы, или завтра твоих людей будут вывозить в мешках.

Максим закрыл глаза. Внутри боролись два голоса. Один шептал: «Беги! Ты обещал ей другую жизнь!» Другой кричал: «Это твой мир! Это твоя империя! Без этого ты никто!»

— Передай им, — сказал он глухо, — что я вернусь через три дня. Скажи, пусть готовят встречу. Миром или войной — это их выбор.

Он вернулся в дом, лег рядом с Русланой и притворился спящим. Но сон не шёл. Теперь он понимал: прошлое не отпустит так просто. Оно будет стучаться в дверь каждую ночь, пока он не решит эту войну окончательно.

Иногда, поздними вечерами, когда дети засыпали, мы выходили на берег. Садись на тёплый песок, укрывшись одним пледом, и слушали шум волн. В такие минуты прошлое отступало, но не исчезало совсем — оно жило в нас, как старая рана, которая зарубцевалась, но оставила шрам. И каждый раз я вспоминала ту песню, что стала пророческой и одновременно ошибочной.

Сегодня вечером мы снова сидели на берегу. Дети уже спали: Сашенька в своей комнате с машинками и книжками, Лена в колыбельке у окна. Я положила голову на плечо Максима и закрыла глаза. Море пело свою вечную песню, и в ней я слышала наши голоса: его — низкий, с хрипотцой, и мой — тихий, счастливый. Они сплетались, как две волны, набегающие на берег.

— Знаешь, о чём я думаю? — прошептал Максим, обнимая меня крепче.

— О чём?

— О том, что если бы мне тогда сказали, что я буду вот так сидеть с тобой на берегу, с двумя детьми в доме, и не бояться за завтрашний день... я бы не поверил.

— А теперь?

— А теперь я знаю, что это и есть счастье, — он повернулся, поцеловал меня в висок.
— Простое, тихое, настоящее.

Я улыбнулась, не открывая глаз. Ветер шевелил мои волосы, и я чувствовала, как тепло его тела проникает в меня, заполняя все пустоты.

Мы были одним целым. И это было прекрасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.